

Денис Алексеевич Кузнецов

*Санкт-
Петербург
1934*

Альтернативная история

Денис Алексеевич Кузнецов

Санкт-Петербург 1934.

Альтернативная история

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22816392

ISBN 9785448369025

Аннотация

Действие романа разворачиваются в альтернативной реальности в Санкт-Петербурге 1934 года. Какой была бы Россия без революции 1917 года? Это весьма актуально в преддверии столетнего юбилея события, кардинально изменившего судьбу нашего государства. Каждый мой читатель сможет сделать свои выводы. Главным героем романа является частный детектив Юрий Черкасов. Он прекрасно вписался в общество. Благодаря связям перед ним открыты все двери. Но в один момент его жизнь кардинально изменилась.

Содержание

Санкт-Петербург 1934	5
1	5
2	10
3	14
4	24
5	28
6	33
7	48
8	54
9	60
10	63
11	70
12	87
13	89
14	92
15	94
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Санкт-Петербург 1934

Альтернативная история

Денис Алексеевич Кузнецов

© Денис Алексеевич Кузнецов, 2017

ISBN 978-5-4483-6902-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Санкт-Петербург 1934

1

У вас когда-нибудь взрывали автомобиль? Вам приходилось смотреть, как горит грудa искореженного металла, когда-то являвшегося средством передвижения? В вашем воображении сразу появляется эта малоприятная картина и бурлящая мысль в голове: «Кому я дорогу перешел?». Подобный вопрос был утром тридцать первого мая 1934 года и у частного детектива Юрия Николаевича Черкасова. Он стоял напротив догорающего автомобиля предположительно марки «Руссобалт». «И зачем ты, наглец, поставил на моё место свой тарантас» – думал про себя детектив. Парковка, на которой разворачивалась вышеописанная драма, находилась напротив главного офиса «Санкт-Петербургских ведомостей» на Невском проспекте. Место, где Юрия всегда ждали с нетерпением.

Герой «Великой войны», этот мужчина 37 лет всегда был центром внимания Питерского бамонта. Брат его был большим человеком в министерстве внутренних дел и прикрывал иногда его не совсем легальные расследования. Черкасов был мужчина высокого роста, крепкого телосложения. Голову с короткой стрижкой всегда прикрывала шляпа-федора,

которая в гармонии со стандартным костюмом, широкими плечами и приталенным пиджаком, брюками с отворотами, подчеркивала его образ крутого парня. Лицо его всегда было спокойное, порой даже безразличное: низкий лоб, тонкие брови, глубоко посаженные миндалевидные серые глаза, в сочетании с узким носом и узкими губами, придавали его внешности определенную типичность – образ идеальный для частного детектива. Такому нелегко раствориться в толпе и стать незамеченным среди потока людской массы, наполнившей Санкт-Петербург в 1930-е годы.

Юрий от природы привык играть роль победителя. Даже если судьба загоняла его в самый угол, он не отчаивался и со временем опять был на высоте.

Что повлияло на формирование его характера, сказать сложно. В 16 лет отец отправил Юру во Владимирское военное училище, где юноша пробыл меньше двух месяцев. Выгнали его за избиение своего сокурсника Ильи Северского. Черкасов мотивировал свой поступок тем, что сокурсник якобы не выплатил ему карточный долг. Начальник училища подобные неуставные отношения не поддерживал, и поэтому выгнал Черкасова с позором. Не помог даже авторитет отца заседавшего тогда в государственной думе.

Постояв возле пожарища ещё около двух минут, Юрий развернулся и побрел к своему автомобилю, который находился напротив стоянки под окнами английского рестораника. Он с надменным видом поместился за руль свое-

го автомобиля, марки Ford. Резко развернувшись посредине стоянки, просвистел колесами, после чего набирая обороты, уехал прочь.

Форд остановился возле небольшого двухэтажного здания постройки второй половины XIX века. На первом этаже находился офис частного агентства Черкасова – «Правды не скроешь» занимавший две небольшие комнатки. В первой располагалась приемная, возле стены которой стоял обшарпанный письменный стол Модерн, который напоминал больше гигантского паука засевшего плести свою ловушку. На краю стола рядом с внушительной стопкой бумаг находился черный телефонный аппарат «Western Electric», покрывшийся тонким слоем пыли.

– Доброе утро, Светик. Какие новости? – проходя мимо своей секретарши, спросил Черкасов. При этом даже не повернул головы в её сторону.

Немного задремавшая Светлана, подскочив на своем стуле, сразу же поняла, что эти самые дела не совсем обрадуют её начальника. Но, тем не менее, поправив очки, зашла в кабинет вслед за Юрием.

– Юрий Николаевич, счета за аренду опять пришли, а электрики уже месяц как нам свет отрубить грозятся.

Шеф покивал, глядя на лежащие перед ним чеки, этот жест часто обозначал в высшей степени безразличие Черкасова к определенным вещам. Такие мелочи жизни никогда не вызывали у него эмоций, тем более, на крайний случай,

всегда родной братец денег подкинет.

– Ступайте, Светлана, что-нибудь придумаем, в крайнем случае, проживем без благ цивилизации пару дней.

Воодушевленная секретарша вышла из кабинета. Она была уверена, что шеф найдет выход. Григорьева Светлана Олеговна окончила «Смольный» институт три года назад. Получив диплом с отличием, она считала, что карьерный рост лишь дело времени, но жизнь её складывалась иначе. Больше двух лет отличница не могла найти работу. Как известно, большая быстро развивающаяся северная столица требовала от работника в большей степени опыт, нежели отличные оценки в дипломе. Да и статус «Смольного», после отмены сословий в 1922 году, значительно упал, его выпускники до этого, как известно, всегда были дворяне. А тут вдруг в него повалили представители духовенства, дочери рабочих и даже зажиточные крестьяне. «Новые русские» принимать к себе на работу молодых выпускниц «Смольного» по-прежнему не желали, они привыкли их воспринимать как пафосных дворянок, нежелающих что-то делать, а только жалование за красивые глазки да белые воротнички получать. А в случае чего, побегут права качать, и не дай Боже до самого императора Алексея Николаевича со своей челобитной доберутся.

Григорьева была далеко не красавицей, но при этом очень стройна, даже худощава, и обладала вытянутым лицом. На голове редкие русые волосы были завязаны в пучок.

Серьёзные зеленые глаза передавали ясность ума этой вдумчивой натуры, а под слегка вздернутым носом, тянулась тонкая полоска губ, которые далеко не перед каждым расплывались в улыбке. Одета она была совсем не по моде. Накрахмаленная белая блуза с широким воротником, с красными зигзагами и полосками, дополнялась черной юбкой из тонкой ткани, плотно сидящей на бедрах и прямо стекающей ниже коленей. На ногах Света в любую погоду носила черные туфли с круглым носом и широким каблуком.

Часто у вас такое бывает, думаешь о близком человеке, и он как раз и позвонит. Когда Света ушла из комнаты, у нашего героя на столе зазвонил телефон, думал он в этот момент о брате или же, если быть точнее, о тех деньгах, которые он мог бы ему дать взаймы. Юрий дождался третьего звонка, и перебирая пальцами снял трубку, – Черкасов у аппарата.

– Юрий Николаевич, – в голосе звучала нота кавказского акцента, – нам нужно увидеться.

– С кем имею честь говорить, сударь? – на повышенном тоне произнес Черкасов.

– Аслан Тарасов, купец. Через час жду вас в своем доме по адресу... У меня к вам предложение, от которого вы не сможете отказаться. После чего бросил трубку.

Особняк Тарасова находился на краю города. Смахивал он больше на шахский дворец, нежели на дом честного налогоплательщика.

Дождь уже прекратился, когда Черкасов сигналил у высоких кованых ворот, украшенных тамгой известного купеческого рода.

Дворник, престарелый кавказец среднего роста, быстро отворил ворота и долгожданный гость, нажав на газ своего авто, подъехал к парадному входу. Великолепное двухэтажное здание, построенное в восточном стиле, было серым от дождя. Справа находилось две комнаты башни, стилизованные под минареты с причудливыми в форме луковицы куполами. Поверху и понизу тянулись ряды больших застекленных окон. Весь фасад дома был отделан диким камнем. Было ясно, что хозяин любит жить на широкую ногу.

На встречу вышедшему из форда Черкасову, направился мужчина лет 45: чумазый, низкий, с безобразным лицом.

«Юрий Николаевич, проходите, хозяин в парке с детишками гуляет, подойдет с минутой на минутой».

Гость, не промолвив не слова, поднялся по ступенькам, отворил сам себе дверь, бесцеремонно прошел по коридору. Дворецкий с трудом поспевал за детективом, чтобы открыть перед ним дверь в кабинет Тарасова.

Рабочее помещение Черкасова, не входило ни в какое сравнение с роскошными апартаментами купца. Это был просторный кабинет метров десяти. Стены его были отделаны кедром, из-за чего повсюду стоял приятный смолянистый запах. Стол в стиле ампир, с позолоченными ножками, стоял возле окна. На противоположной стороне стоял бильярдный стол, посередине которого горизонтальной пирамидой расположились белые шары. Перед дверью на бархатном фоне, висело несколько старинных ружей, палашей, шашек.

Рассматривая оружие, Юрий не заметил вошедшего в кабинет Аслана Тарасова – это был яркий представитель купеческого рода. Высокого роста с гладко выбритым смуглым лицом. Волчий взгляд задранной головы, изучал детектива. На теле его сидел аккуратный серый фрак с тонкими белыми полосами.

– Это оружие моих предков, – кивнув в сторону милитаристской коллекции, промолвил Тарасов, – на нем кровь врагов нашей семьи, тот, кто становился на пути рода Тарасовых, заканчивал свой жизненный путь с ножом в спине или на дне глубокой пропасти. Юрий Николаевич, порой жаль, что в наше время дела нельзя решать как раньше. Вы так не считаете?

– Я так понимаю, Аслан Овесович, мы с вами встретились не для того, чтобы обсуждать похождения лихих абреков. Поверьте, если понадобится, я и на ваших предков компромат накопаю, вопрос лишь в цене. Попрошу, перейдем

сразу к делу!

На лице Тарасова можно было прочесть желание пронзить кинжалом наглого гостя, но или законы восточного гостеприимства, или опаска последствий подобного действия вынудили гордого горца проглотить свою обиду и начать деловой разговор.

Да уж, этот Черкасов не был из тех людей, которые всю жизнь трясутся из-за своего теплого местечка и ради этого готовы лизать кое-что начальникам, клиентам, любовницам и т. д. Умение поставить людей в зависимость от себя, наверное, уникальный дар и Юрий им был сполна наделен.

– Господин Черкасов, продолжил разговор Тарасов, ваш талант сборщика компроматов, может быть мне очень полезен, в последнее время продукция моих предприятий, а именно мое масло, очень плохо реализуется.

Горец подошел к шкафу, достал из него кий и передал Черкасову со словами: «Сыграем сударь?».

Черкасов не стал отказываться, заядлым игроком в русский бильярд, он не являлся, но понимал, что необходимо навести контакт с клиентом, и поэтому охотно взялся за игру.

– Аведов, владелец маслобойных заводов по всей империи, лоббировал в думу закон, чтобы изменять госты и теперь использует технологии на производстве, которые могут повредить потребителю особым составом, содержащим аммиак, – в процессе игры рассказывал Тарасов.

– Мне бы очень хотелось иметь доказательства этого действия... ну, вы понимаете, Юрий, в этом деле вы тот человек, который мне нужен.

Загнав последний шар в лунку, Черкасов подошел к Тарасову и протянул ему руку со словами: «Превосходная игра, Аслан Овесович, разумеется, вы догадались, что услуги, которые я предлагаю, не дешевы, и аванс желательно предоставить прямо сейчас».

– Разумеется! – лицо Тарасова озарилось улыбкой во все 32 золотых зуба.

Тарасов сказал несколько слов на армянском своему слуге Махмуду, и тот через несколько минут вернулся в кабинет с серебряным подносом, на котором лежал пожелтевший конверт, набитый деньгами.

Черкасов, забрав конверт, попрощался с гостеприимным горцем и отправился, сопровождаемый Махмудом к выходу. Во дворе он небрежно открыл дверцу своего Форда, который уже через пару минут вёз его всё дальше от усадьбы Аслана Овесовича Тарасова.

Маслобойный завод купца Аведова находился на промышленной окраине Петербурга. В 1921 году этот район стал активно застраиваться Австрийскими предпринимателями, которые планировали привлечь на свои предприятия рабочую молодежь из соседних трущоб. Сравнительно высокая зарплата для Российской империи привлекала большое количество молодых людей со всего города. В скором времени вокруг появлялись прекрасные дома для рабочих, по новым улицам бегала босоногая ребятня, шныряли мелкие торговцы из пригорода, жизнь бурлила. Но все хорошее когда-нибудь заканчивается. Так с Венской революцией 1928 года последовало банкротство элиты, бывшей Австро-Венгерской империи. Развитие этого нового промышленного района было остановлено, квартиры в домах быстро стали распродавать по дешевке, бывшие заводы и фабрики превращать в склады, или переводить в руки умелых дельцов, среди которых оказался Анзор Аведов.

Завод его представлял из себя прямоугольное здание в два этажа, выстроенное из красного кирпича. Сбоку, метров на 25, поднималась из того же материала конусообразная почерневшая башня, вероятней всего не ремонтировавшаяся со времен своих прежних владельцев-австрийцев. Территория завода была окружена высоким трехметровым, дере-

вянным забором, собранным наспех из досок, разбросанных на соседних заброшенных фабриках. Тем не менее, свою основную задачу предприятие перед своим хозяином выполняло при малых вложениях, принося ощутимый доход. По двору была слышна речь суесящихся рабочих, по ихговору можно было сделать вывод об их среднероссийском происхождении.

Черкасов находился на крыше соседней фабрики, спрятавшись за стеной у полуразрушенного окна, он наблюдал в бинокль за передвижениями по территории завода Аведова. Рядом с ним на корточках перебирал вещи в сумке юный помощник-ассистент Петр Есенин.

Петр или же Петруша, вместе с матерью, всегда печальной вдовой родом из Рижской губернии, учительницы словесности, переехала из Риги на окраину Петербурга. Как известно, в Литве в двадцатые годы проходили антирусские демонстрации, из-за чего русскоязычное население выехало из губернии. Есенин был юноша крепкого телосложения, всего на несколько сантиметров ниже Черкасова. В одежде и манерах он старался во всем подражать своему наставнику. Длинные волосы до плеч русого цвета, большие голубые глаза, вздернутый нос, легкая щетина на лице, а также поломанное правое ухо, по этим чертам можно было разглядеть этого юношу в толпе.

Юрий Николаевич опустил бинокль, взглянул на часы, они показывали 23:31.

– Странно.... Маслобойный завод работающий в ночную смену, не вызывает у тебя вопросов, Петька?

– Никак нет, Юрий Николаевич, душа торгаша просит больше прибыли, вот и заставляет несчастный рабочих с провинции вкалывать на него в обход трудового законодательства 12 часов в сутки. Профсоюза нет на этого гада!

– Э нет, подсказывает мне моя интуиция, что не в этом дело.....

Я постараюсь проникнуть внутрь, а ты свяжись с Михаилом, пусть будет наготове, как дам знак, пусть выдвигается.

– А какой знак Юрий Николаевич? – Опустив сумку, спросил Есенин.

– Да как убивать меня начнут Петруша, – равнодушно произнес Черкасов.

Нацепив разгрузку, вероятней всего американского производства, и новенький фотоаппарат с хромированным объективом, Черкасов отправился к фабрике.

Как он и предполагал, через несколько минут к воротам подъехал грузовик, и Юрий в момент, когда большегрузный Ford стоял у ворот, умудрился подскочить к кузову и забраться внутрь. В кузове пахло семечками и какими-то химикатами, которые были упакованы в тканевые мешки, но даже сквозь ткань, нос лежащего на них детектива щеко-тала едкая пыль. Ничего не подозревающий водитель, провез шпиона на территорию завода. Внутри авто ожидала бригада грузчиков и в момент, когда они принялись за свою работу,

Черкасову ничего не стоило смешаться с толпой уставших после непрерывной десятичасовой работы людей и заняться своим промыслом. Одежду он подобрал соответствующие поэтому равнодушные трудяги приняли его за своего.

Пройдя через гущу суетящихся рабочих, в составе человек десяти, Черкасов оказался в здании самого завода, если быть точнее это была часть склада. Едкий запах из кузова здесь усилился в несколько раз и Юрий на мгновение даже прикрыл рукой лицо. Можно представить каково было рабочим. Не имеющие, в большей степени, даже начального образования, голодающие крестьяне центральных районов империи были вынуждены искать лучшей доли в столице или же в других крупных промышленных городах страны, таких как Варшава, Одесса, Царицын. Некоторые умудрялись работать вахтовым методом в Германии, но и там им приходилось достаточно туго. Немецкие фермеры порой считали ниже своего достоинства оплатить труд восточного славянина, и последние были вынуждены пешком добираться до родины.

Детектив приблизил миниатюрный немецкий фонарик «Брюнер Шнейдер» к одному из мешков, на пожелтевшем клочке бумаге был набор формул. Даже далекий от химии человек, взглянув на этот список, мог понять, что данный состав никак не может использоваться в пищевой промышленности. Все мешки лежали ровными рядами, между каждыми двумя был промежуток, вероятно, состав не любил влагу. Сделав пару снимков, и взяв образец для пробы, Юрий

собрался уходить.

Но вдруг на складе включили свет, при этом голосов рабочих слышно не было.

Вместо этого раздался голос с характерным кавказским акцентом: «Выходи собака, хуже будет если найду!».

Черкасов мгновенно надел маску из ткани с прорезями для глаз, достал револьвер и тремя меткими выстрелами выключил свет.

Стремительными шагами он направился к выходу, и только когда ему в глаза уже ударил свет уличных фонарей фабрики, Юрий понял, что выход полностью заблокирован людьми Аведова. Их было 6 человек, у каждого в руке был черный фонарь, от которого исходил яркий пронзающий свет.

Засада, подумал Черкасов, а ведь удача была так близка. Вернувшись в центр помещения, он на ощупь стал искать выступы в полу, которые, как ему показалось, были замками от потайного хода. И когда цепные псы, слуги семьи кавказских промышленников, уже подходили к тому месту, где Юрий находился, активно освещая при этом помещение фонарями, ему удалось нащупать долгожданные выступы на полу. Поддев достаточно увесистый люк, Черкасов погрузился в подвальное помещение. И каково было его удивление, когда перед его взором открылся еще один цех заполненный рабочими: заросшими, в поношенной грязной одежде, но даже не это поразило нашего героя. Их глаза, они как будто бы-

ли пустые, зрачки и роговицы отсутствовали. Рабочие были заняты своими делами, не обращая ни малейшего внимания на незваного гостя. Перетаскивали с одного места на другое тяжелые мешки с химикатами, толкали различные валы.

Решив, что они слепые, детектив стал аккуратно на цыпочках проходить между ними. В дальнем углу кверху поднималась лестница, по которой Юрий надеялся покинуть помещение. И когда он был уже на середине пути, то неудачно столкнулся спиной с одним из рабочих. Мужик среднего роста с длинной небрежной бородой остановился, приблизился к Черкасову и стал принохиваться, причём манеры его больше напоминали звериные, нежели человеческие. Скорчив ужасную гримасу, это подобие человека завопило голосом не человеческим, а больше напоминающим звериный вой. В следующий момент этот звук был приглушен резким боковым ударом кулаком в область щеки господином Черкасовым. Напоследок, детектив решил сделать несколько снимков и достав свой серебристый немецкий фотоаппарат осветил вспышкой помещение.

«Ну все, пропал» – подумал Юрий, когда за дверью уже слышались громкие голоса на незнакомом языке. Но вдруг Юрий услышал как с боку сработал слив в колодец небольшого размера. Верх его был шириной чуть больше метра, каменное сооружение прикрывал небольшой лист из тонкой стали. Юрий оттолкнул его в сторону и оперся руками об колодец. Внизу, метрах в восьми, отражался потолок цеха.

«Наверняка этот колодец часть городской канализации, созданной ещё австрийцами, тогда она выведет меня прямым ходом к центральному искусственному водоему» – подумал Юрий.

Недолго думая, он завернул, свою камеру в пленку, и прыгнул в колодец. Ледяная вода, подобная тысячи мелких иголок, пронзила тело детектива. Перед Юрием открылся длинный коридор подземной системы слива.

Ему пришлось двигаться в полной темноте. Направление своего движения Юрий выбрал по течению.

«Какая мерзость» – говорил про себя Черкасов, притрагиваясь к покрытым нечистотами стенам туннеля. Ему приходилось продвигаться в полнейшей темноте, по плечи в мутной воде гусиным шагом, так как выпрямиться в полный рост, размер туннеля не позволял. Юрий продвигался к слабым проблескам света где-то впереди, через десять метров туннель поворачивал направо. Здесь наконец-то свет стал ярче, и перед детективом предстала лестница ведущая вверх. Ухватившись за поручни, он стал подниматься к выходу. Вскоре, Черкасов подтолкнул к верху крышку люка, которая легко поддалась.

Когда детектив выбрался из люка, перед его взором предстала широкая улица. Одежда на Юрии была полностью промокшей и источала запах нечистот. Казалось бы, пронесло, но не тут-то было. Из-за поворота раздался гул приближающегося авто и по крикам, доносившимся вперемешку с моторным ревом, можно было догадаться, что эти люди были

по душу Черкасова.

Юрий бросился в пространство между двумя домами, надеясь скрыться в лабиринте многоэтажек, но это не спасло его. В последний момент преследователи увидели фигуру, ускользающую в темноту. Подъехав к люку, четверо джигитов повыскакивали из потрепанного кабриолета Рено и бросились преследовать Черкасова. В свете фар боковым зрением Юрий заметил, как поблескивали начищенные маузеры кавказцев в руках, но судя по всему, они не спешили их применять.

«Я им живым нужен, – произносил в голове Черкасов, – максимум в ногу ранят чтобы говорить мог, не беда». И правда, через пару секунд после этих размышлений, рядом с бегущим детективом стали свистеть пули, причем ниже пояса: «Лишь бы не выше колен целились, сволочи, уж пусть тогда выше пояса стреляют».

Юрию приходилось постоянно маневрировать между стенами зданий, уже стала напоминать о себе старая рана, покалывая в левом бедре, но, не смотря на это, Черкасов не сбавлял темп. Не сбавляли его и преследователи, которые ощущали себя в роли борзых, загоняющих обреченную жертву. Они были в предвкушении момента, когда загнанный обессиливший зверь попадет им в лапы и будет принесен хозяину. За это получают они награду, подобно тому, как верный пес приносит своему повелителю добычу. Азарт переполнял их душу.

Черкасов споткнулся – это было банальное невезение, которое могло стоить жизни. Он задержался на одном месте чуть более двух секунд, но этого хватило для того чтобы преследователи настигли его. Завязалась потасовка, численное превосходство которой было далеко не на стороне Черкасова, решило исход противостояния. Одного из нападавших детектив уложил боковым ударом в череп. Сзади подкрался рыжебородый парень, со шрамом на пол лица, и огрел его кастетом по голове. После того, как Черкасов потерял равновесие, четверо джигитов с легкостью свернули его в бараний рог и потащили к машине.

«Попался, шакал проклятый, – шептал сквозь зубы рыжебородый, ведя Черкасова под руку – ничего, приведем к Руслану, он тебя мерином сделает, по-другому завопишь».

Когда до автомобиля оставалось каких-то двадцать метров, вблизи раздался сильный гул и в воздухе повис загадочный аппарат. По форме он напоминал лодку: к самому корпусу крепились два поплавка. Это свидетельствовало о том, что аппарат поднялся с воды. Над самим корпусом вращался огромных размеров винт, сзади тянулся длинный хвост, на котором также вибрировали винты. В сторону Черкасова от вертолета засветил прожектор. Все это привело в замешательство кавказцев, которые стояли, раззявив рты. В следующую секунду со стороны вертолета отделилась ракета, из хвоста которой вырывалась яркая вспышка пламени. Снаряд моментально превратил машину в груду горящего мусо-

ра. Вертолет с ревом пронесся над пустующими зданиями и завис над трясущимися от страха сынами гор. Из громкоговорителя раздался голос с требованием немедленно освободить пленника, что было сиюминутно выполнено. Черкасову бросили веревочную лестницу, по которой он стремительно забрался в аппарат. Вертолет поднялся на несколько десятков метров вверх, затем пролетел квартал вперед и сделал крутой низкий вираж, во время которого из сопла под корпусом в сторону опустевшего здания выбросил струю горячей жидкости. После этого джигитов и след простыл, они бежали как зайцы.

– Тише будь, угробишь нас, дурак, – вопил испуганный Есенин.

– Не бойсь, малец, я каждую деталь в этом аппарате своими руками перебрал. Да и стажу летного стажа у меня больше по часам, чем у тебя кувыркания с бабами за всю жизнь, – сказал пилот Михаил.

– Ну да, чуть больше ноля, уже хорошо, – добавил Черкасов.

Было 4:40 утра, Черкасов сидел в расслабленной позе, облокотив голову на руку, его локоть упирался в замусоленный рыбьими кишками и моторным маслом стол. Напротив сидел механик Михаил, оба были изрядно пьяны. На диване в углу спал, как младенец, положив руки под голову и завернувшись в плед Есенин.

На столе стояла почти допитая четверть самогона, из закуски остались лишь вяленый лещ и пол буханки черного хлеба, три граненных стакана были пусты. Сидели они на веранде, которая выходила на озеро. Легкий туман стелился над водой, а вдалеке над соснами уже начинало вставать солнце.

– Послушай, приятель, – поднял голову Черкасов, – что за бардак у тебя? Когда марафет, наконец, наведешь?

– Прошу извинить, Юрий Николаевич! – сказал механик, прижимая руку к сердцу. Немедля приму надлежащие меры. В следующий раз, как в императорском дворце будет.

Юрий повернул голову в сторону озера.

– Ну ладно, – протянул Черкасов, – где сейчас марафет этот найдешь!

Михаилу Ивановичу Сомову было 54 года. Это мужчина крепкого телосложения, небольшого роста всегда с красным лицом: либо от водки, либо от жара мотора. На гусарских

усах часто можно было увидеть следы копоты или остатки пищи. Серые глаза всегда смотрели на собеседника с особым интересом. Раньше это был талантливый инженер и богатый человек, работавший в команде Сикорского. Затем после того как Сикорский свернул все свои работы в России, не найдя понимания со стороны правительства, Михаил оказался не у дел. Слишком узкая специализация «Вертолетостроение», не позволяла найти подходящую работу. И пришлось перебиваться мелкими подработками. Домик на берегу озера пришел в запустение. Крыша протекала, стены покосились, порой жилище казалось полностью заброшенным, лишь гул мотора из добротного ангара нарушал тишину.

– Я когда под началом Игоря Ивановича работал, то за порядком уж как хорошо следил. В цеху всегда уборщика гонял, тот по 3 раза в день помещение намывал. Зайдет так Сикорский в цех, там пальцем ткнет, над разбросанными деталями пожурит. Не любил нашу русскую безалаберность начальник, оттого, думаю, за границу и свалил. Чужд ему русский дух был. Прямо как Герцену, что со славянофилами спорил постоянно. Я думаю, что западником был наш Иваныч, любил европейское все.

– Многим русским свойственно идеализировать запад, Иваныч. Но как только некоторые из них попадают туда, то в большинстве своем разочаровываются в нем и носителях его культуры. Многие русские считают, что Россия должна пройти тот же путь, что и западная Европа. Но, понима-

есть ли, они часто опускают тот факт, что мы особая цивилизация и у нас свой особый путь развития, – Черкасов остановился, чтобы закурить папиросу.

– Каков же это путь сударь? – зевнув, спросил механик.

– А путь этот, Миша, обоснован тем, что мы особая цивилизация на стыке запада и востока, сама география и природа диктует свои законы, именно природа руководит нашей внешней и внутренней политикой. Посмотри на Америку, штаты... молодежь Питера подражает их образу жизни. Говорят, нам равняться надо на них. Но, простите, у штатов меньше 200 лет истории, с запада и востока они защищены океаном, на севере миролюбивая Канада, на юге отсталая южная Америка. Воевать не с кем, можно и о себе любимых подумать, джаз послушать, на машинах погонять. А Россия? 1200 лет истории из них 800 в состоянии войны, и попробуйте после этого нас жизни учить, товарищи западники, – Черкасов нервно докурил сигарету, из внутреннего кармана кожаной куртки он достал тысячу рублей и положил на стол перед механиком, – я был на западе, и убедился – это другой мир! Хоть и прекрасный.

Юрий встал с табуретки, потянулся и зевнул.

– Петруша, подъем, нас ждут великие дела, – подойдя к спящему ассистенту, стал говорить детектив.

Помощник перевернулся с одного бока на другой, не произнеся ни слова. После этого Черкасов потряс его за плечи, что помогло быстрее пробудиться Петруше.

Спустя 20 минут, наши герои гнали по шоссе, на форде все 100 км/ч., и ветер дул им в лицо, проникая в открытые окна. Весна подходила к концу, и Черкасов двигался навстречу неизвестности. Он даже не подозревал, как сильно изменится его жизнь этим летом. До Санкт-Петербурга, согласно дорожному указателю, оставалось 15 верст.

Ближе к обеду Черкасов с Есениным проводили тренировку по боксу. Юрий арендовал небольшой зал с матами на Васильевском острове. Они отрабатывали сложные комбинации. По началу Есенину удавалось отходить от серии ударов Черкасова, но уже через секунд сорок он получил мощный удар в челюсть, от которого рухнул на татами. Детектив подал своему помощнику руку:

– Уже лучше уходишь от ударов, пора бы, и бить научиться, Петька.

– Я, Юрий Владимирович, больше по борьбе специализируюсь, да и в студенческие годы в кружок к самому А. Зассу ходил. До сих пор при встрече как родного он меня обнимает, говорит, что в борьбе большое будущее у меня. Да уши, как видите, мои тоже пострадали тогда.

– По борьбе говоришь, – ухмыльнулся Черкасов, – ну давай попробуем побороться.

Началась схватка. Черкасов схватил и попытался бросить противника через бедро, но тот выскользнул из захвата. Есенин был на пол головы ниже Черкасова и в этом он нашел свое превосходство в противостоянии. Поднырнув под Юрия, он схватил его за ноги и провел великолепный бросок, Черкасов лежал на лопатках.

– Ну что могу сказать, – произнес, вставая Черкасов, –

растешь мой друг. Надо выписать тебе премию.

– Я всем обязан своему учителю, если и выписывать премию, то обязательно ему.

Юрий похлопал по плечу Петра. Вскоре переодевшись, они покинули спортзал.

Вечер Юрий Черкасов решил провести в ресторане «Палкинъ», который располагался на углу Невского и Владимирского проспектов, в доме 47. Это было место, где собирался весь высший свет Петербурга. В нем было 25 залов, биллиардные, отдельные кабинеты, парадная лестница, украшенная фонтаном и экзотическими растениями, а в центре главного зала размещался обширный бассейн, в котором плавала живая стерлядь. Хозяин заведения сумел создать атмосферу почти домашнего уюта и необыкновенной традиционной русской кухни с легким французским акцентом.

Черкасов, как обычно, расположился за своим любимым столиком возле бассейна. Управляющий всегда придерживал это место для него. Вскоре к нему подошел сам хозяин заведения Сергей Владимирович Соловьев.

– Юра, ну здравствуй, братишка, давненько ты к нам не заходил – к Черкасову с распростертыми объятиями направлялся высокий, худой мужчина с угольно-черными волосами, уложенными на бок, и черными как сажа бровями. Лицо было гладко выбрито, а на губах его сверкала улыбка.

Друзья обнялись. Соловьев присел рядом с Черкасовым.

– Ну как ты, все расследуешь? Много компроматов на-

рыл? – спросил, шутя Сергей.

– Ну а ты как думаешь, Сережа? Люди всегда любят проказничать, а, как известно, чем выше должность и состояние, тем проказы эти и посерьезнее. Вот поэтому у меня всегда и будет работа, уж был бы человек, а компромат на любого найдется.

– Ох, и рисковый ты парень, Юра – качая головой, сказал Соловьев – Питер негодует, глядя на твои действия. Не твоё это, поверь, ковыряться в грязном белье. Раньше ведь, великолепным детективом был. Вон, как тогда ты меня от разорения спас, я тебе по гроб жизни обязан. Если бы не ты, съели бы меня тогда эти немцы, вместе со своим Питер-штадт. Ну а сейчас, построили свои небоскребы на пару кварталов выше и успокоились.

– Тогда для меня это была не просто работа, Сережа, а дело принципа. Немцы конкретно прибарзели, негоже им нашего предпринимателя притеснять, да ещё в центре самого Питера.

– Юра, и не говори, знаешь, как смотреть противно, когда приходит такой престарелый немчура к нам с двумя дворяночками нашими белокурами. Сидит, лапает их за все места, прям на людях. Да где это видано было! При государе Николае Александровиче, девиц этих бы дворянства решили, а сейчас все сидят, как будто не замечают. Молодежь под этих немцев косит, только и слышно вокруг-фрау Herr, надоело всё.

– Молодежь сейчас понимает прекрасно, что немцы нашими хозяевами становятся, вот и стараются им подражать – с грустью отметил Черкасов.

– Да ну, к черту этих подстилок, – выругался Соловьёв, – у нас во втором банкетном зале свои именины отмечает Демидов Александр Васильевич, фабрикант, бывший депутат; с твоим отцом знаком наверняка был. Вот это человек с большой буквы! Русский до мозга и костей, тебе нужно с ним познакомиться. Сейчас на сцене споет Екатерина Елисеева, уж больно её номер увидеть мне хочется, а затем давай пройдем к Демидову.

В этот момент в зале полностью погас свет. На сцене в световом круге появился ведущий: низкий, полный мужчина во фраке и с цилиндром на голове. Он объявил о начале выступления. На сцену вышла Елисеева. Точнее сказать, не вышла, а вылетела на сцену, в сопровождении своей группы подтанцовки. Обрушившись на зал волной безудержного дикого танца, прекрасная женщина, под стать Афродите, одетая в костюм амазонки-воительницы, в леопардовых шортах и кофте, открывающей живот, певица, мгновенно пленила всех и каждого. Черкасов не мог оторвать глаз от Елисеевой, как и все мужчины в зале. Каждое её движение было весьма откровенным и носило ярко выраженный сексуальный подтекст. Шоу программа, разработанная певицей, по её словам: «должна произвести революцию в русском музыкальном мире 1930-х годов». Достаточно откровенные тан-

цы в пору патриархальной империи были достаточно смелым шагом. А для Елисеевой, начинавшей свой путь солисткой Московского большого театра, это было достаточно простое решение: порвать с высокой культурой. Екатерина готова была принять волну критики и с гордым видом ответить на все вопросы с подвохом, задаваемыми любопытными журналистами. Безусловно, возможность выступить на сцене ресторана «Палкинъ» с новой программой была для неё большой удачей. Песня, которую пела Екатерина, содержала набор банальных рифмующихся между собой фраз о любви молодой гимназистки к коммерсанту с варшавской биржи. Но и смысл выступления был далеко не в песне, главное было шокировать публику своим видом.

Во время выступления, многие дамы, заседавшие в зале, демонстративно уводили мужей и покидали помещение. Идущие вслед за ними супруги, с завистью и скорбью смотрели на оставшихся лицезреть выступление.

Когда Елисеева закончила, то весь зал ей аплодировал стоя, к её ногам подбежали десятки новых поклонников, высказывающих свои нескончаемые комплименты в её адрес. Не отставал и Черкасов, он попросил Сергея передать от него Екатерине букет белых роз.

– Мельчаешь, Сережа, так тебе и до эротеатра недалеко – подшутил над другом Черкасов.

Соловьев громко рассмеялся, уводя друга во второй банкетный зал, туда, где заседали гости Демидова.

Александр Васильевич Демидов был родом из семьи фабрикантов-Демидовых. В наследство от всей семейной империи досталась ему лишь одна полотняная фабрика. Являясь депутатом первой думы, он смог подогнать под себя законодательство, и не смотря на роспуск народных представителей 9 июля 1906 года, сделал солидное состояние за столь короткий срок существования думы. С началом Великой войны в 1915 году отправился на фронт в звании подполковника, принимал участие при штурме о. Корсика, за что от правительства Российской империи и Германии получил ряд боевых наград. Поговаривали, что ему удалось провести ряд операций с продовольствием для армии, на чем и заработал часть своих средств. Вернувшись в Россию в 1916 году, удвоил своё состояние, выгодно продав сеть своих полотняных фабрик австрийцам, это позволило ему приобрести Путиловский завод в Санкт-Петербурге. После этого Демидов стал одним из самых богатых и влиятельных людей России.

И сейчас этот человек отмечал свой день рождения. Это был мужчина высокого роста, с широкими плечами. Дворянин от природы, но при этом носил густые усы. Залысины лба прикрывала седая прядь волос, начесанная сбоку. Но больше всего в этом человеке привлекали внимание карие выразительные глаза, в глубине которых таилась лёгкая

насмешка.

За спиной питерский бомонд называл его Циником с большой буквы, считали, что моральные принципы у этого человека отсутствуют. Азартен, любит риск, и в то же время расчетлив, когда дело касается денег и репутации. Непреклонен в достижении своих целей, с людьми достаточно суров, и груб.

При этом всегда выставлял себя как патриот, верный царю и Отечеству, не жалеющий средства на благотворительность и меценатство.

По всему залу было расставлено множество столов, которые ломились от обилия всевозможных яств. По центру находился длинный стол, на Конце которого сидел и сам именинник. Он что-то усиленно обсуждал со своим соседом Георгием Бельчиковым. Удивительно найти здесь представителей так называемых «новых русских» в среде высшей аристократии. Как известно, после конституционных реформ 1920-х годов, когда Россия, по сути, стала конституционной монархией, лишь формально оставив титул империи. В этот период стране из разных бывших сословий стали выделяться наиболее зажиточные индивиды, которые после отмены сословных ограничений быстро разбогатели. Их и стали именовать «новыми русскими». Старая родовитая аристократия, не смотря на реформы, продолжала держаться особняком и в глубине души призирала новых богачей.

Бельчиков – мужчина 30-ти лет: низок, толстоват, имеет

длинный крючковатый нос и жидкие светлые волосы, прямые, спускающиеся до плеч. С испуганным лицом слушал Демидова, казалось, он сейчас подорвется и убежит прочь с этого места.

Черкасов присел с краю самого большого стола, рядом примостился Соловьев. Им достались самые изысканные блюда из меню ресторана, и дорогое французское вино, затем заказав Салат, Спаржа с крушонами. Маркиз с шампанским, и жаркое из кролика оба с большим удовольствием приступили к трапезе.

– Вот посмотри, Юра, – начал разговор Соловьев, – собрался весь высший свет сегодня у меня. Вон за тем столом – кивнув в право, – сидят Феликс Юсупов с супругой Ириной, рядом князь, а с ними генерал-адъютант Фролов. Поговаривают, что генерал с Феликсом любовники. А напротив, погляди, писатель драматург Горький Максим. А за тем столиком, что возле бюста Александра Николаевича-освободителя, сам Шаляпин горло моей водочкой смачивает.

Соловьев называл одну известную фамилию за другой, Черкасов пропускал это все мимо ушей, лишь изредка кивая. Уж сильно он увлекся запеченным кроликом.

– Представляешь, каково мне сейчас, в моем доме родном столько высокопоставленных гостей, светила науки, политики и искусства. А я сижу здесь с краю и люблюсь. Покуда люди такие будут вместе собираться, идеями обмениваться, вести беседы душевные о матушке родине, искать

выход из трудных ситуаций, до тех пор и Русь стоять будет. Может, уже сейчас в этих стенах рождается идея новой реформы, которая в будущем изменит нашу страну до неузнаваемости. И собираются они здесь благодаря мне, для этого всего я и поддерживаю в моем ресторане домашний уют, порядок и они, поэтому сюда возвращаются все снова и снова. Перед нашими глазами формируется русская элита XX века.

– А по-моему, они сюда покушать вкусно пришли, Сереж, – промолвил Черкасов.

Соловьеву это замечание не понравилось, он собирался выдать следующий монолог, но душевные беседы прекратил именинник, предложивший поднять тост за здоровье государя императора Алексея Николаевича Романова. Все встали, заиграл гимн, пел почти весь зал, Соловьев со всей силы раздирал горло на припеве. Молчал лишь Черкасов.

Затем звучало много красивых слов в адрес именинника, с пожеланиями всего наилучшего. Черкасова же это все лицемерие утомляло, он уже начинал подумывать, как бы смыться под шумок, но тут в зал зашла Елисеева в сопровождении своего директора и они расположились за столом недалеко от нашего героя.

– Пожалуй, я задержусь здесь немного, – подумал про себя Юрий и принялся разглядывать потолок, украшенный мозаикой, параллельно продумывая дальнейший план действий.

Недолго думая, Черкасов подсел к Елисеевой. Рядом с ней место оказалось свободным.

– Разрешите представиться, Юрий Николаевич Черкасов!

– Меня зовут Екатерина – представилась Елисеева.

– Я разыскал хорошее вино специально для вас, Катенька. Давайте выпьем за знакомство, – Официант, две бутылки «Мерсо» будь добр.

Долго ждать не пришлось, и вскоре на столе стояло вино из Бургундии. Черкасов не спеша разлил вино по бокалам и предложил тост:

– Давайте выпьем за ваше смелое выступление госпожа Елисеева, безусловно, вы королева сегодняшнего вечера.

Оба осушили бокалы.

– Не возражаю, хороший тост, очень приятно. И кстати, спасибо за цветы, как вы догадались, что я люблю белые розы?

– Цвет чистоты, они такие же светлые, как и ваша душа! – сказал Черкасов.

– Спасибо, – выдохнула Елисеева.

– Кстати, Катюш, а чем обоснован выбор вашего сценического образа?

– Как сказать, Юрий... вы надеетесь услышать от меня разговоры о революционности, свободы и равноправии женщин, но нет, все гораздо проще. Захотелось чего-нибудь необычного. Я вижу своё отражение в зеркале в этом костюме и понимаю, что я другая. Не прячу свое тело под грудой тряпок, а смело демонстрирую его. И понимание того, что я одна такая на всю империю греет душу.

– Ну а сейчас, как вижу, вы все-таки сменили его на вечернее длинное платье, – отметил Черкасов, – то есть, сойдя со сцены, вы отказываетесь от своей уникальности?

– Нет, что вы, просто пока мне для этого и сцены хватает – покраснев, произнесла певица.

– Будем ждать от вас новых шокирующих сюрпризов, господа, – добавил Юрий.

Еще более часа продолжалась церемония, затем гости стали расходиться. Каждый из них подходил к Демидову и ещё раз поздравлял его. Решив продолжить отмечать день рождения, Демидов перебрался с компанией самых близких друзей в зал поменьше, к ним присоединился и Соловьёв. Веселье продолжилось в более тесном кругу, началась игра в покер.

Черкасов проигнорировал междусобойчик, более того, он ворвался в помещение без приглашения и стал почти силой уводить с собой Соловьева. В зале царил полумрак. Три рулеточных стола стояли посередине зала, за которыми и происходило всё действие. Здесь и произошло знакомство Демидова и Черкасова.

– А вы, собственно, кто такой, сударь? – рассерженно заговорил Демидов, – врываетесь, мешаете игре, разговорам!?

– Позвольте представиться, Юрий Николаевич Черкасов, частный детектив.

– Ааа, – протянул Демидов, – тот самый Юра Черкасов... ну что же, всегда хотел вас увидеть, – эй, официант, принеси

моему гостю выпить!

– Этого не стоит, – вежливым тоном проговорил детектив, – рад был пообщаться, но дела важные ждут, вынужден спешить и похитить от вас своего друга Сережу.

Сергей Соловьёв к этому времени изрядно опьянел и дремал в углу на кожаном диванчике, мирно посапывая. Обсуждению дальнейшей судьбы России явно была поставлена точка с его стороны.

– Отказ не принимается, господин Черкасов, вы остаётесь с нами! – сказал, как отрезал Демидов.

Вскоре появился официант, который поднес алкоголь. Это был дорогой коньяк. Юрий недолго думая, взял рюмку и произнес тост за здоровье именинника, чем вызвал симпатию со стороны окружающих.

– Вы были на войне, господин Черкасов? – неожиданно спросил Демидов.

– Да, пришлось побывать на французском театре боевых действий, и чем интересно вызван ваш вопрос? – удивился детектив.

– Вы, Юрий Владимирович, пьёте как кавалерист, отставляя мизинец в сторону, по возрасту подходите, хоть и молодо выглядите. Ну а ещё, я с вашим отцом знаком был, он о вас в частности много рассказывал, хороший был человек, царствие ему небесное, – перекрестился Демидов.

– В отличие от младшего сыночка! – пьяный голос прозвучал из толпы.

– А, ну как я мог не заметить такую высокопоставленную фигуру как вы, господин прокурор Мезенцев, то есть прошу прощения бывший прокурор, – съязвил Черкасов.

– Вы, товарищ Черкасов, редкостная сволочь, испортили мне жизнь, – протянул низкий мужчина, с гладкой лысиной на голове и маленькими аккуратными усами.

Юрий, недолго думая, подошел к обидчику, поднял его за шиворот и отвесил ему пощечину, после чего прижал к стенке и ударил в солнечное сплетение. Мезенцев опустилась по стене на корточки, и стал задыхаться.

– Попрошу выбирать выражения, сударь, – на повышенном тоне произнес детектив.

Мезенцев к этому моменту уже давился крокодильими слезами, прерываясь на просьбы, угрозы, истерики. Всем окружающим, да и самому Черкасову стало жаль этого ничтожного человека, который оказался на этом празднике лишь потому, что его жена работала на заводе Демидова управляющей и взяла с собой своего любимого как раз в тот момент, когда он вышел из своего долговременного запоя.

Мезенцева увели из помещения, судя по реакции окружающих, никто об этом не горевал.

– Смотрю, у вас не только друзья повсюду, Юрий Николаевич, но и враги имеются, – сделав глоток бургонского, произнес Именинник.

– Такова моя работа, Александр Васильевич, – на выдохе произнес Черкасов.

– Знаете, мне на фронте не хватало таких бойцов как вы, – с грустью отметил Демидов, – когда мы брали Корсику, большинство из моих офицеров боялись идти в штыковую атаку, а я их жизни берёг, за каждого русского солдата душой болел. Когда наш десант, а именно, 4-я особая бригада, высадился на севере острова, корсиканцы уже засели в селах и ждали, когда мы пройдем по улицам, чтобы расстреливать нас из окон. Но я не стал рисковать жизнью подчиненных, а прорабатывал как следует каждое поселение артиллерией и только потом двигал пехоту. Поэтому и потери моей бригады ограничились 12 бойцами, а в масштабах такой операции – это все признавали большим успехом.

– Вы, Александр Васильевич, безусловно, настоящий русский патриот, – польстил ему подошедший к столу, заспанный Соловьев.

Черкасов промолчал. Все ещё раз дружно выпили за здоровье именинника.

– Но есть у русского один грешок, прошу меня извинить, господа, – подняв вилку, произнес английский посол Спенсер, – это леность и привычка все делать в последний момент.

– Да, менталитет такой, что поделаешь, – добавил Соловьев, под совместное одобрение.

– Причем здесь менталитет? – вдруг возразил Черкасов.

– Вы говорите, что русский человек не любит работать. Да посмотрите на наших крестьян, они вкалывают побольше

любого немца. Просто такое впечатление, о вечно лежащем зимой на печи Емеле, сложилось благодаря нашему климату. Лето у нас в России уж, какое короткое, и за него нужно успеть и посеять и вырастить все. Зато зимой потом делать особо нечего. Вот и привыкли мы делать все в последний момент, в жатые сроки.

– А ведь сударь прав, – отметил высокий кучерявый офицер с гусарскими усами, – по себе знаю, господа.

– Уймись, Борисов, тебе еще тут о менталитете рассуждать, – негодовал посол.

Завязался спор. Каждый из гостей пытался обосновать свою точку зрения. Спенсер стал уповать на религию, пытаюсь найти недостатки в православной вере. Этим он задел чувства большинства присутствующих, на защиту его стал лишь Борисов, который был атеистом.

– Послушай, Юрий, – отведя в сторону Черкасова начал разговор Демидов, – ты очень сообразительный парень, судя по твоим высказываниям, ты разделяешь взгляды евразийцев, если я не ошибаюсь?

– Так точно, Александр Васильевич – отрапортовал Черкасов.

– Я мало знаком с этим молодым течением науки, ну ладно, разговор не об этом, – Демидов замялся и через секунду выдавил из себя, – мне хотелось, чтобы ты работал в моей компании, делал для меня кое-какие дела, щедрое жалование гарантирую.

– Спасибо за доверие Александр Васильевич, но я птица вольного полета, привык, знаете ли, работать на себя, поэтому дальнейшее продолжение разговора на эту тему считаю не целесообразным, – заявил детектив.

Лицо Демидова напряглось, видимо он не ожидал отказа.

– Ну, всё-таки, Юрий Николаевич, – мягким, в какой-то степени отеческим тоном, произнес Демидов и добавил, – обдумайте моё предложение как следует. После этого он пожал руку Черкасову, и они попрощались.

Юрий вернулся в кабинет за Соловьевым, который теперь окончательно протрезвел. Поначалу он долго упирался, но детектив шепнул ему пару слов на ухо, после которых он резко изменил свое мнение. Хозяин ресторана распрощался с гостями и самим именинником, все без исключения присутствующие выразили сожаление о том, что их покидают два таких важных гостя. Только Демидов не изменился в лице, проводил их своим безразличным взглядом.

Черкасов, Соловьев, Елисеева и компания вышли из ресторана со стороны Владимирского проспекта. Их было шестеро, певица взяла с собой своего танцора Илью, по прозвищу «Кентавр», у которого была сказочно великолепная фигура. Просто Аполлон. Каждая мышца прорисована, грудь выпуклая, талия тонкая, ноги и бедра стройные. На плечи его опускались длинные, черные кудри. С ним были сестры Лукошкины, две белокурые, как две капельки воды похожие друг на друга девушки. Все они изрядно выпили, душа тре-

бовала веселья. Черкасов предложил ехать в Питер-штадт, его инициативу дружно поддержали.

На пересечении Владимирского и Невского они поймали такси, дружно в него утрамбовались и поехали развлекаться. Переехав через Фонтанку, они оказались в зоне новой застройки. Здесь небоскребы нависли над старыми питерскими переулками, подавив их своей тяжестью и ослепительным блеском царственных витрин. Это было царство неона и тысяч рекламных и других вывесок, светящихся изумрудным блеском. Башни из камня и стекла все больше наползали на старые кварталы города, нависали над узкими улицами и людьми, подобно муравьям суесящихся вокруг этих рукотворных муравейников. Старый Петербург отступал в пропасть, и за ним по пятам тянулась вся империя, которая чудом избежала грандиозного коллапса на рубеже столетий. Не известно, как бы сложилась судьба нашего отечества, присоединись мы тогда к Антанте. Тогда всю мощь государства пришлось бросить против растущей как гриб после дождя Германской империи, которая была у нас под боком. Вероятней всего, что российский колос на глиняных ногах не выстоял. Но снайперский выстрел со стороны консульства Британии изменил настроения в народе. Русский пролетарий, с которым тогда считались, возненавидел англичан и с ними не подписали договор, который планировали заключить примерно в 1907 году. Этим соглашением хотели разграничить сферы влияния на востоке. Колебалась на-

ша матушка Русь, как известно, недолго: в июле 1905 года вблизи острова Бьёрке, между Вильгельмом II и Николаем II был подписан союзный договор, который, как считали многие историки современности, кардинально изменил расстановку сил в мире. После торпедирования французской субмарины российского крейсера Аврора в проливе Ла-Манш 16 марта 1914 года на борту, которого находилась дочь императора княгиня Ольга, Российская империя объявила войну Франции. Началась война, которая длилась 21 месяц и закончилась полным разгромом Франции, Италии, Турции и временной изоляцией Великобритании.

После окончания войны в Россию хлынул немецкий капитал, который постепенно стал оказывать влияние на её внешний облик. В 1922 году Империя становится конституционной монархией, принимается первая конституция, происходит революция сверху. Премьер министром стал Львов Георгий Евгеньевич из партии «Кадеты», через месяц этот пост перешел к Александру Фёдоровичу Керенскому, который подписал известный указ, навсегда уничтоживший сословные различия в империи. Многим это не понравилось, из-за чего по стране прокатилась волна акций протестов. Но у правительства был важный козырь в рукаве в лице армии, которая оснащалась для длительной войны на западе и в итоге была использована против своего народа. Почти полностью было уничтожено казачество. Кубанские станицы бомбили тяжелые бомбардировщики «Илья Муромец», а сибирь-

ских казаков травили хлором. При этом широких прав автономии добились Польша и Финляндия, ставшие мощными промышленными центрами империи. Стал менять свой облик и Санкт-Петербург, немецкий дух стал проникать в русскую культуру, многие слова вошли в обиход. Появился, благодаря этому, и комплекс зданий именуемый Питер-Штадт.

Такси остановилось возле небоскреба со стеклянным пандусом и огромным, украшенным сверкающей надписью на немецком, входом. Компания с большим энтузиазмом погрузилась в атмосферу безудержного веселия. Первым делом, они отправились в боулинг, где своим мастерством блеснул Черкасов, выбивший 3 Страйка подряд, чем выиграл выпивку для всей компании. Здесь его почти все знали, и управляющий Шульц, маленький полный немец с широкой улыбкой, лично поднес гостям спиртное. Елисеева все ближе тянулась к Юрию, после того, как они все дружно отправились в джаз клуб, она настойчиво прижималась к нему во время танца, нарушая все нормы приличия. В один момент даже позволила себе укусить его за мочку уха, на что Черкасов никак не отреагировал. Это разозлило Катю, и она стала его заманивать в различные укромные места, но Юрий тянул время, предвкушая дальнейшее приключение в объятиях обворожительной танцовщицы. Кентавр в это время подцепил молоденького японца за соседним столиком, и уже через несколько минут тот ублажал его в уборной. Соловьев изрядно выпив, рассказывал сестрам Лукошкиным главную

причину начала опричнины в XVI веке. Они усиленно старались делать заинтересованный вид. После головокружительных танцев, компания отправилась в отель «Мюнхен». В фойе отеля Соловьев не спеша подошёл к портье и после пятиминутной регистрации заказал самый дорогой номер на 15 этаже, в котором продолжилось веселье.

Во время разгара веселья Соловьев, в одних трусах выскочил на балкон номера и прокричал во все горло: «Мы боги Олимпа, Питер, принимай новых хозяев». Черкасов с Елисеевой уединились в кабинете. Несколькими быстрыми движениями Катя сбросила с себя платье. Юрий положил её на резной стол из красного дерева, дыхания обоих участилось.

За четыре часа до этого в зале ресторана «Палкинъ», Александр Демидов обратился к своему слуге, давая распоряжение.

– Никита, сходи к Елисеевой и скажи, что обещанное катание на моем лимузине по ночному Петербургу состоится. И побыстрее, – добавив в конце.

– Так, Александр Васильевич, уехала она, с Черкасовым в неизвестном направлении – запинаясь, ответил слуга.

Этот ответ ему показался настолько неожиданным, что густые черные брови его приподнялись, а челюсть отвисла.

– Что значит с Черкасовым, она мне обещала, – завопил Демидов, – ну Юрий Николаевич, устроил мне подарок, – и добавил, – позвони Алехину, городовому, пусть свяжется со мной.

В мрачном кабинете, откинувшись в кресле, сидел за рабочим столом капитан СБРИ Макаров Максим Олегович. Правая часть стола была завалена газетами, бумагами, различными папками. Слева, на почти пустой и чистой стороне, стоял телефон, чернильница и пепельница.

Макарову было 36 лет отроду. Он был среднего роста. Большие карие глаза обрамлены достаточно длинными ресницами, а также густыми для своих лет черными волосами. Носил он достаточно простой черный, строгий немецкий костюм, который подчёркивал его суровый нрав и деловитость. Лицо его при любых обстоятельствах сохраняло свою серьезность, не выдавая никаких эмоций. Порой это бесило окружающих, например, когда Максим защищал свою диссертацию по криминологии, его преподаватель Питирим Сорокин отметил: «Ну что же вы, Максим Олегович, материалом-то владеете, но сложилось впечатление, что перед нами машина, а не живой человек выступает». Макаров с молодости посвятил себя отечеству. И эта служба вправду сделала его машиной, но частично. Во время работы в третьем отделении канцелярии Его Императорского Величества, Макаров принимал участие в задержании крупной группы польских националистов. Во время завязавшейся перестрелки в его сторону была брошена бомба. Два бойца спецподразделения,

находившиеся вблизи, погибли на месте, Максиму Олеговичу оторвало руку по локоть. На помощь ему после реабилитации пришел Пётр Петрович Гарин, инженер. Он сконструировал для Макарова руку-протез, работающую на керосине. Она напоминала больше клешню, нежели конечность человеческую, хоть и была пятипалой. Также каждые десять минут из миниатюрной выхлопной трубы у локтя выходила тонкая струйка газов, за что Макаров получил прозвище Курильщик. Хват его был такой силы, что мог за одно сдавливание раздавить череп человека, а во время задержаний он мог этой самой рукой срывать надежные немецкие замки на дверях.

Макаров еще с первых лет службы четко расставил для себя приоритеты в жизни, главным из которых была карьера. Но отношение к власти у него было достаточно своеобразное. Он действительно служил закону, а не начальству, всей душой ненавидел бюрократию. Начальство его, мягко говоря, не любило. Но так как он был мастером своего дела, то за это его ценили, продвигали по службе и часто давали достаточно широкие полномочия.

В этот раз ему поручили достаточно запутанное дело, связанное с загадочной гибелью известного доктора Ивана Арнольдовича Барменталья, ассистента профессора Преображенского. Несчастный Барменталь был найден в своей квартире с вырванной печенью. Кто мог совершить такое, осталось загадкой для полиции Петербурга, поэтому расследо-

вание передали в СБ. Причиной того, что ими заинтересовались госслужбы, было и то, что Преображенский и его ассистент были в связях с английскими шпионами.

– Максим Олегович, разрешите, – в открытых дверях застыл стажёр Игорь Ефимов, низкий худощавый юноша, с круглыми очками на прыщавом вытянутом лице с бегающими зелеными глазами. Стажер был в сером костюме со шляпой – федорой.

– Проходи, – подняв на стажера глаза, произнес Макаров. «И как только такого можно допускать к работе в Департаменте контрразведывательных операций» – подумал Макаров. Такого расколоть в два счета можно, типичный сладкий мальчик.

– Каковы результаты вскрытия Борменталья? – строго спросил Курильщик, – выявлена причина смерти?

– Согласно протоколу вскрытия, было установлено, что рваная рана проникает вглубь тела на 15 сантиметров в области правого подреберья, с повреждением печеночной вены, затем сама печень была просто вырвана. Это привело к тяжелому внутреннему кровотечению и практически моментальной смерти. Так же стоит отметить, что следов колюще-режущих орудий не обнаружено. Возможно, это была челюсть животного, – выдал стажёр.

– То есть, как нет колюще-режущего, – поперхнулся Макаров, – с каких это пор в качестве орудия убийства используют животных, что за бред! Ты сам-то осмотрел труп?

– Максим Олегович, я натура очень чувствительная: меня там стошнило, через минуту оттуда выбежал, – признался Ефимов.

– Это твоя работа, Игорь, так что привыкай, а если будешь строить из себя меланхоличную гимназистку, долго здесь не продержишься, и никакие связи не помогут, – на этом монолог Макарова закончился.

Ефимов, пообещав исправиться, вышел из кабинета. Начальник загрузил его своей нелюбимой бумажной работой, которую стажер выполнял с преобладающим удовольствием.

Кабинет курильщика долго не пустовал, вскоре в него влетел воодушевленный старший лейтенант Ольховский Денис Владимирович. Полный мужчина средних лет, с игривым взором и блестящей от пота лысиной. Ровные маленькие усы его лоснились от недавнего обеда.

– Здравствуй, Макс, как твои дела? – начал разговор Ольховский.

– Мои дела, – задумчиво проговорил Максим, – мои дела плохи и однообразны. Долго рассказывать. Ну, ты ведь не за тем влетел в мой кабинет, чтобы поинтересоваться моей жизнью и порадоваться тому, что у тебя она намного интересней, в общем, выкладывай, зачем пришел? – спросил Макаров.

– Какой ты всё-таки зануда, Макаров, – разочаровано произнес приятель, – ну доброжелательности от тебя, мозгоклюя, не дождёшься, в общем слушай. Был твой приятель

на праздновании именин Александра Васильевича Демидова в «Палкине». Там он познакомился с певицей, ныне известной Елисеевой, в кабаре выступает. Решив продолжить веселье, он вместе с Елисеевой и своим другом Соловьевым отправился в Питер-штадт, там они изрядно повеселились. Сняли номер в отеле, где голубчики и попались на коксе, ты представь, какой скандал будет.

Ольховский стал ехидно хихикать. Макаров же выслушал краткий рассказ приятеля спокойно, и в конце чего произнес.

– Да что там будет, Денис. У Черкасова брат товарищ министра: отмажет, а дело огласку не получит, так как начальник полиции, у этого гада на крючке.

– Это на каком ещё крючке? – удивился Ольховский.

– В борделе с девками тот его на фото заснял, – подняв усталый взор на коллегу, произнес Макаров.

– Вот сволочь, – протянул Ольховский.

– Так что не переживай ты о нашем друге, – на последнем слове Макаров сделал акцент, одновременно показав в воздухе пальцами кавычки.

– Да и черт с ним. Максим, давай сегодня после работы в трактир заглянем, по рюмочке коньячка пропустим, ведь хорошо на неделе поработали с тобой, а? – положив руку на плече к товарищу, произнес Ольховский.

– Нет, сегодня буду допоздна на работе, Денис, как-нибудь в другой раз! – ответил Макаров.

– Так уж и быть, – расстроено проговорил приятель, – другой так другой, – и молча побрел из кабинета.

Макаров закрыл дверь за ушедшим Ольховским, подошел к своему столу, достал из нижнего выдвижного ящика бутылку дорогого Армянского коньяка, налил в алюминиевую кружку.

– Ишь, чего захотел Коньяка! Небось, с намеком на этот, знает гад, про мою алко заначку – усмехнулся Максим Олегович, рассматривая бутылку с черной этикеткой и причудливыми символами, затем залпом выпил кружку.

После этого он вернулся на свой стул и принялся рассматривать фото трупа Борменталья, которые принес стажёр. Внимание его привлекли странные глубокие царапины на шее, о которых в протоколе ничего не говорилось.

– Ну что же, придётся всё делать самому, – с досадой произнес Макаров, наполняя новую чарку.

В отделениях полиции центрального Петербургского округа, утром 15 июня 1934 года был полный аншлаг. В душевой камере 10 на 10, где штукатурка облезла со стен и оголяла красные кирпичи, собралась весьма интересная публика. Взявшись за черную решетку обеими руками, матерился во всё горло танцор Илья.

– Суки, мать вашу, ты, четырехглазый, ты хоть знаешь, кого ты тут держишь? – обратился он к молодому полицейскому, сидевшему за массивным железным столом и заполнявшему протоколы, временами поправлявшему тонкие круглые очки.

– Угломонитесь, сударь! Если не успокоитесь, буду вынужден принять меры. На каторге дерзить продолжите, – угрожающим тоном произнес служитель закона.

Внутри камеры было весьма оживленно. Елисеева сидела на койке, держась руками за голову. Она рассказывала задумчивому Соловьёву о том, что всё плохо для неё сложится, если об этом узнает пресса. Проклинала себя за решение отправиться вместе с Черкасовым, который теперь выйдет сухим из воды, а её карьера пойдет под откос. Соловьёв её успокаивал, при этом даже не смотрел на неё, было видно, что на слова звезды ему было плевать. Сестры Лукошкины разучивали новый танец, пытаясь хоть чем-то себя развесе-

лить, часто в процессе спотыкались об койки. Что касается Черкасова, то он лежал на койке заложив руки под голову, закинув правую ногу на согнутую левую.

Через пару минут после вышеописанной ситуации дверь кабинета распахнулась, и в помещение вошел седой мужчина с аккуратно причесанными волосами лет пятидесяти, это был участковый пристав. Одет он был в темно-зеленый сюртук общевойсковой образца с воротником того же цвета и с красными кантами. Вошедший был сильно взволнован, серые маленькие глаза его бегали из стороны в сторону, как у «жулика на рынке». Наконец он пересилил себя и произнес.

– Черкасов, на выход! – после этого собрался быстро уйти, но реплика пленника заставила его остановиться.

– Минуточку, Ваше благородие, – обратился к приставу Юрий, который даже не соизволил встать с койки, – как видите, я здесь не один, сейчас же выпустите остальных заключенных и мы уйдём с миром, вам же не нужны проблемы?

– Это неслыханная дерзость! – завопил полицейский, сидевший за столом, – как он смеет вам указывать, товарищ-капитан! Они все нарушители общественного порядка, хулиганы! Они наркотики при себе, как конфеты носят, а мы их так просто возьмём и отпустим! Этого не должно быть! – с досады он снял очки и стал усиленно тереть и без того покрасневшие глаза.

Начальник на это ничего не ответил, лишь бросил перед

ним на стол связку ключей, повернулся и ушел.

— Ну что сидишь, уставился, — снова оживился Кентавр, — давай, открывай эту чертову дверь.

Через несколько минут пленники, уже пройдя от участка квартал, стали ловить такси. Черкасов, который задержался немного в участке, был удостоен аудиенции самого товарища министра внутренних дел, по совместительству, приходившемуся ему братом.

Дмитрий Николаевич Черкасов, был мужчина лет сорока: высокий, солидный, с широким энергичным лицом лидера с и атлетической фигурой. Одет он был богато, но не вызывающе: черный цилиндр и сюртук из дорогого материала, великолепно сидящие брюки. Всем своим видом он старался показать своё высокое положение и влияние в обществе, хотя и совсем немного ему было свойственно малодушие.

С юных лет он рос в условиях жесткого отцовского контроля всей его жизни. В начале, был очень тихим, робким ребенком. Но отец был великолепным психологом от природы: он понимал, что для того, чтобы Диме выжить в этом суровом мире, ему нужно измениться. Он стал его готовить к жизни, что позже отметил в своих мемуарах. Лучшие учителя по фехтованию, французская борьба с десяти лет. Часто он заставлял сына вопреки его желанию вступать в конфликт с ровесниками. Затем Дмитрия Черкасова отправили в юнкерское училище, после которого юноша точно решил связать свою судьбу с армией. Отнесен он был по успехам

в науках к I разряду. Дмитрий прекрасно разбирался в артиллерии, имея по этому предмету всегда наивысшую отметку, в чем помогли феноменальные математические способности. В звании подпрапорщика его отправили на службу в Гренадерский мортирный дивизион и вскоре повысили, отправив в штаб. После повышения началась «Великая война». В самом её начале, Дмитрия отправили в Германию в качестве военного советника. По возвращению на родину поступил в Петербургский государственный университет, окончил физико-математический факультет, получив степень кандидата физико-математических наук. Долгое время работал на кафедре, затем в администрации университета. В конце 20-х перебрался на работу в министерство внутренних дел. Благодаря своей усидчивости, Дмитрий Черкасов быстро стал расти по карьерной лестнице. И наконец, в 1930 году получил должность товарища министра. С братом Юрием они очень отличались характерами, но было одно общее горе: не могли никак наладить свою личную жизнь.

– Ну что, братец, допрыгался? – присев на койку рядом с лежащим Юрием, произнес товарищ министр. Сделав паузу, он продолжил, – Юра, ты меня своими выходками до могилы доведешь, что же ты меня так позоришь? Ведь я к тебе со всей душой всегда, а ты... – Дмитрий махнул рукой в сторону молчащего брата, – Остепениться пора: на службу в министерство возьму, только скажи да.

– Ну, извини, так получилось. Благодарен тебе, что выта-

шил из этой задницы, но, а по поводу остепениться... избавь брат, не моё это в министерствах ваших хвосты «всяким благородиям» заносить.

– Так вот ты, какого мнения обо мне, Юра, – с досадой произнес старший брат, – службу отечеству, называешь «заношением» хвостов.

– Ну, а как по-другому это назовешь? Бегаєте перед вашим начальством на задних лапках, а сами в душе их призираете: атмосфера лицемерия, обмана, стукачества. Возвели себя в эталон успешности и живете, припеваючи, а империя по швам уже трещит от таких хозяев как вы.

– А ты, что сделал для империи? – возмутился Дмитрий, – да, ты воевал, не спорю! Почти герой был. Если бы не твоя дурная башка, по службе продвинулся бы. А сейчас визнаешь, сколько дырок на трусах у князя Долгорукого, или кто стал очередным любовником графини Эдинбургской. Да, велика твоя польза отечеству, – разведя руками, произнес товарищ министр.

– Я не позволяю тому дерьму, которое разлагает империю, утонуть. Оно сплывает на поверхность водной глади и его остается лишь убрать. Только вот беда! Никто это делать не торопится.

– Утомил ты меня, Юрий. Видеть тебя не хочу, – Дмитрий поднялся с койки и направился к выходу, но на мгновение замер в дверях камеры, повернулся к Юрию и произнес, – и да, на сабантуй ваш наводка была. Пристав божится, что

из министерства приказали и он не причем. В общем, будь осторожен, вспомни, кому в последнее время ты дорогу перебежал?

После освобождения из под стражи, Черкасов младший не спешил на работу в офис. Денег, переданных Тарасовым, было достаточно, как минимум, на месяц праздной жизни для Юрия, поэтому он решил устроить себе очередной выходной и отправился в гости к Соловьёву. Поймав такси, прямоком отправился к ресторану «Палкинъ».

Сергей во второй половине дня был занят рутинной бумажной работой. Несмотря на загруженность, он решил уделить время другу.

Бодрым шагом Черкасов зашел в кабинет, подошел к приятелю и, похлопав его по плечу, улыбаясь, произнес: «Ну что, братец, славно погуляли?». Соловьев поднял на него холодный взгляд, затем, не обращая внимания, продолжил заниматься делами.

– Да ладно тебе, дуешься на меня, что-ли? – сожаляющим тоном задал вопрос детектив, успев к этому моменту уже расположиться в удобном кресле напротив Соловьева.

– Единственное, что меня расстроило, Юра – опутив очередную исписанную бумажку, начал разговор Соловьев, – это то, что я снова увидел как наше общество, гниёт изнутри. Питер-штадт – это гнездо разврата. А Елисеева вместе со своей компашкой, мерзкие человечки с преобладающими низменными потребностями. Тело их подчинило себе дух.

Увы, пойми меня, мне было очень неловко среди этих людей, я только из-за тебя и пошел вчера.

– Зато повеселились на славу, – произнес Черкасов после пламенной речи Соловьёва, – здесь еще, Серёжа, момент получился весьма интересный, – изменив тон, заговорил Юрий, – Братец мне поведал, что наводка на нас выше была, на нашу компанию. Мне бы очень хотелось узнать, кто эта скотина? Дима такой, что даже если я его попрошу, не станет выяснять, уж очень он неконфликтный человек и меня параллельно в пацифисты записал, а я не согласен играть по правилам моего врага, я привык побеждать. Пробей своих знакомых в министерстве, может, знают кто?

– Юра, я, конечно, не хочу наговаривать, – Соловьев сделал паузу, – но вчера Демидов рассчитывал на вечер в компании Елисеевой, как мне стало известно, а ты её нагло увел у него из под носа, такое обычно не прощают.

– Да ладно, неужели из-за какой-то бабы Демидов станет на меня полицию натравливать, – протянул последнее слово Юрий.

– Всё может быть, но я тоже в этом сильно сомневаюсь. Александр Васильевич, на мой взгляд, человек глубоко порядочный.

– Сколько раз я тебя просил, не идеализируй людей, Сережа. Они все рабы порока и не я, не ты, ни Демидов не составляем исключение, – произнес полушепотом Юрий.

– Хорошо, закончим этот разговор, я выполню твою

просьбу, – потеряв лицо руками, сказал Соловьев.

– Вот это другое дело, – радостным тоном заговорил Черкасов, – ладно, Сергей, не буду тебя отвлекать, вижу много у тебя работы, поеду я домой в баньке попарюсь, да радио послушаю.

После этих слов, приятели пожали друг другу руки, и Юрий покинул кабинет приятеля. Рядом с рестораном на парковке стоял автомобиль детектива, который уже через несколько мгновений уносил его прочь от шумного невского проспекта.

Черкасов владел просторной пятикомнатной квартирой в четырехэтажном доме на Литейном проспекте, занимая почти половину всего второго этажа. Попарившись в домашней баньке, отправился обедать в небольшую, обставленную белого цвета мебелью столовую. Детектив сидел за небольшим столом в домашнем халате и уплетал за обе щеки. На обед экономка Марья Петровна приготовила любимое Юрием жаркое из баранины и суп из лосося. Мария Петровна – пожилая женщина в аккуратном черном платье с белым фартуком, крупного телосложения, с приветливым круглым морщинистым лицом и бегающими голубого цвета глазами. Несмотря на возраст, весьма активная и жизнерадостная, она успевала за те малые часы, которые хозяин проводил дома, разузнать подробности его работы. Черкасов любил разговаривать с Марьей Петровной, но при этом он в большинстве своём, выдумывал похождения, не из-за желания прослыть героем в лице престарелой дамы, а с целью сокрытия служебной тайны. Петровна же, обычно рассказывала ему подробности приобретения на рынке продуктов для стола, например, о том, как одна одноногая вдова пыталась продать ей в рыбной лавке протухшего лосося, за что получила по зубам.

После еды он принялся за чтение газет на мягком се-

ром диване с резными золотистыми ножками и спинкой. Лучи солнца пронизывали кружевные кремовые шторы, оставляя на бледно-бирюзовых стенах зала причудливые узоры. Юрий, проникнувшись атмосферой домашнего уюта, уснул безмятежным сном.

В семь часов вечера в квартире Черкасова раздался телефонный звонок. Сонный детектив подошел к черному телефонному аппарату, резким рывком снял трубку и басистым голосом проговорил: «У аппарата!».

– Добрый вечер, господин Черкасов, меня зовут Николай Ладушкин, и мне необходимо сегодня с вами встретиться! – на одном дыхании проговорил собеседник.

– Милейший, – вздохнув, начал Юрий, – для этого вам необходимо позвонить на мой рабочий телефон в указанные часы, зачем меня тревожить дома? Более того, мой рабочий день на сегодня окончился, желаю удачи! – после этих слов он нервно бросил трубку телефона.

Черкасов собрался уже вернуться к дивану, как звонок вновь повторился. Агрессивно настроенный детектив, сделал резкое движение к аппарату, схватил трубку и прокричал: «У вас со слухом проблемы что ли? Так уши прочищайте чаще, я же сказал, чтобы сегодня меня не тревожили!».

– Юра, это я, – в трубке, после секундной паузы прозвучал мягкий женский голос, – ну, Катя Елисеева, ты говорил, что сегодня вечером мы пойдем на премьеру «Уродцев», или ты забыл?

– А, Катюша, милая, – резко смягчил голос детектив, – помню, конечно, я всегда выполняю обещания, в пол одиннадцатого заеду за тобой, солнышко.

– Не стоит заезжать, я живу в квартале от кинотеатра, буду тебя ждать у входа в одиннадцать с билетами, – после чего Елисеева положила трубку.

Черкасов в предвкушении приятного вечера, начал движение в сторону дивана, как вдруг на середине пути его заставил развернуться очередной телефонный звонок. Вернувшись к телефону, он вновь поднял трубку, и снова голос навязчивого клиента стал настаивать на встрече.

– Юрий Владимирович, вопрос очень важный, сами понимаете, не могу по телефону обсудить, ведь признайтесь, пустоглазые в подвале вас самого удивили? – задал вопрос собеседник.

Черкасов вспомнил о тех снимках, которые он сделал на заводе Аведова, и о том, как в тот же день сделал две копии, одну из которых передал Тарасову, а вторую отнес в свою ячейку в банке. Ячейка эта защищена особым часовым механизмом и автоматически откроется в момент смерти Юрия. Тарасов, однозначно, не стал бы трезвонить на каждом шагу о том, какой материал находится у него в руках. И более того, он говорил о том, что подаст добытые Черкасовым сведения в прессу не меньше, чем через неделю. О том, как эта информация могла просочиться, детектив не имел ни малейшего представления. И всё больше он

склонялся к тому, что встреча с Ладушкиным в этот вечер неизбежна.

– Буду ждать вас на Университетской набережной в девять, возле памятника Крузенштерну, во избежание недоразумений, сразу оговорюсь, со мной будет двое моих товарищей, – отчитался Ладушкин.

– Я буду также не одинок, гражданин Ладушкин, – ответил Черкасов, – со мной будет старина Смит.

– До встречи, Юрий Владимирович, – собеседник повесил трубку.

Черкасов стоял неподвижно возле комода с телефоном и думал о предстоявшей беседе: «Весьма интересный субъект! И откуда этот сукин сын знает про снимки? Может, это как то связано с моим новым недругом? Тогда почему он так усердно добивается аудиенции со мной?»

Затем он снова поднял трубку лежащего перед ним телефона и дозвонился на станцию, запросив номер Есенина.

– Добрый вечер, Петруша, извини, за столь поздний звонок, работенка наклеывается, – проговорил заспанному и молчащему после слова «Ало» ассистенту Черкасов.

– Юрий Николаевич, выходной же, – с досадой проговорил Есенин, – мне на курсы вождения завтра в 6:00, не выплюсь, в столп въеду.

– Я тебе дам поводить мой Ford, вот и курсы для тебя будут, – после этих слов Черкасов перешел к делу: он рассказал о звонке, посвятил ассистента в свой план, сказал, что

заедет за ним через час.

– Хорошо, Юрий Владимирович, жду вас, – бодрым тоном произнес Есенин.

Черкасов покинул зал и стал собираться на встречу: распорядился, чтобы Марья Петровна принесла ему одежду. Он надел черные галифе из плотного тяжелого вельвета, коричневые хромовые сапоги, гимнастерку цвета хаки, черную кожаную куртку, а на голову кепку. Также под костюм Юрий решил надеть бронежилет. В половине восьмого он выехал из своего подземного гаража. На улице моросил мелкий дождь. Есенин жил на Выборгской стороне и Черкасову пришлось ехать окольными путями, чтобы объехать пробку на Питер-Штадт. В 19:55 он уже подобрал ассистента и вместе они отправились на Васильевский остров. Дождь к этому времени усилился, и на лужах появились крупные пузыри.

– Ну всё, это теперь надолго, – кивая в сторону окна, произнес Есенин.

Черкасов промолчал, лишь сунул руку под куртку, чтобы поправить кобуру, в которой лежал пистолет Colt M1911, 45 образца 1911 года. По замыслу Юрия, Есенин должен его прикрывать из машины и в случае форс-мажорной ситуации открыть огонь из винтовки Mauser Mle 1924.

Детектив остановил машину недалеко от памятника Крузенштерну, вышел из неё и побрел вдоль набережной. Дождь к этому времени стих, лишь мелкие капли изредка падали на козырек кепки Черкасова. Недалеко от памятника на при-

стани стоял пневмокатер.

Пневмокатер – творение американских инженеров, созданное для плавания по озерам США. Благодаря скорости в 150 км/ч и своей маневренности, эти комфортабельные суда стали пользоваться большим спросом у миллионеров. Эти творения не остались без внимания у жителей Петербурга, для которых они стали незаменимой машиной, на которой можно по каналам в кратчайшие сроки попасть из одной части города в другую. Вот и стали русские богачи активно скупать эти дорогие игрушки, пополняя казну Соединенных штатов.

– Господин Черкасов, добрый вечер, – его окликнул высокий силуэт, стоявший возле фонарного столба.

Мужчина подошел к Черкасову на близкое расстояние и протянул руку, Юрий пожал в ответ.

На вид ему было лет 45, не больше. Он был в черном костюме, поверх которого находился плащ, голову прикрывала шляпа с широкими полями. Сухое лицо в ореоле темных кучерявых волос, козлиная бородка, и вместе с ней ехидная, легкая улыбка на тонких синих от холода губ. Длинный нос был увенчан тонкими очками, съехавшими почти на самый кончик.

– Ну, вот мы и встретились, много слышал о вас, скажу честно, всегда восхищался вашими дедуктивными навыками, – польстил собеседник Юрию.

– Спасибо, но давайте перейдем к делу, кто вы такой

и откуда вам известны подробности моего расследования на фабрике?

– Ответ на этот вопрос вы получите на моей яхте, прошу, проходите, пневмодвигатели дают удивительно мягкий ход, – мужчина жестом пригласил Юрия на катер.

– Вы открыто заманиваете меня в ловушку, господин Ладушкин, проявите хоть немного смекалки, – усмехнулся детектив.

– Да что вы, Юрий Николаевич, какая ловушка, – мелодичным голосом проговорил Ладушкин.

В этот момент Юрий сократил дистанцию с собеседником, прижался к нему и ткнул в бок дуло пистолета добавив: «Вот такая, Лазарь Иосифович, думаете вас так трудно узнать?», «А вот теперь, пожалуй, прокатимся». Черкасов махнул рукой Есенину, тот выбежал из автомобиля и уже вскоре был рядом с детективом.

Мужчина опешил от такого поведения Черкасова, но повинувшись, побрел под руку с ним и Петром в сторону яхты.

– Юрий Николаевич, это ни к чему, уберите оружие, – бормотал пленник.

– Не переживайте, будете себя хорошо вести, вернетесь живым на берег, а нет – так уж извините.

Все трое, поднялись на борт яхты, после чего матрос убрал трап. Судно стало медленно удаляться от пристани. Ну, а компания погрузилась в каюту, вход в которую находился в задней части катера. Достаточно просторное помещение размером с приёмную в шикарной квартире, каюта яхты была отделана бархатом и серебром. Посредине буквой «П» размещался красного цвета диван с деревянными подлокотниками. Посредине стоял прозрачный журнальный столик. В углу у барной стойки отделанной вишневым деревом стояла девушка. Её длинные светлые, прямые волосы опускались до плеч. Милое лицо, черные ресницы и розоватые щеки создавали образ милого невинного создания. Свободное бежевое платье с заниженной талией и длиной до щиколотки было ей по фигуре. Посетительница повернула голову в сторону вошедших и встретила их испуганным взглядом голубых сияющих глаз. Звали красавицу Аделаида Гросс, работала она в газете «Имперский час». В свои двадцать пять успела прославиться как достаточно скандальный журналист, придерживающийся феминистических взглядов с космополитическими воззрениями.

– Добрый вечер, – сударыня, сняв кепку поздоровался Черкасов, – я, конечно, был бы не против провести с вами вечер да и ночь в принципе, бегло оценив фигуру девушки

добавил Юрий, – но у нас намечается сугубо мужской разговор, так, что будьте добры прогуляйтесь пока на палубе.

– Юрий Николаевич, эта «сударыня», как вы выразились, – сделав акцент на слове, произнес Ладушкин, – является корреспондентом газеты «Имперский час», и её роль в нашем разговоре, поверьте мне, ключевая. Прошу, присаживайтесь, – пригласил к дивану хозяин яхты.

– Меня зовут Аделаида Гросс, господин Черкасов, и я сейчас лично убедилось, что всё о вас сказанное в обществе – правда. Ваша самоуверенность зашкаливает, – произнесла девушка.

– Я с вами полностью согласен, мадам, ну а теперь скажите, чем столь юная особа может быть нам полезна?

В разговор вмешался Ладушкин.

– Юрий Николаевич, Аделаида находится в тесных дружеских отношениях с Асланом Тарасовым, собственно, он ей и поведал о тех самых фотографиях.

– Дружеских! – рассмеялся детектив, – значит, это у нас так теперь называется?

– Подбирайте выражения, Юрий, и свои хамские замечания оставьте при себе – возмутилась Аделаида.

– Поймите, барышня, моя работа требует исключительной чёткости в формулировках, я привык все вещи называть своими именами. Более того, ваш браслет из белого золота стоит не меньше моей квартиры. Уж поверьте, можно догадаться, что просто по-дружески Тарасов вам такую вещь не купит.

– Господа, позвольте, наконец, мне огласить всю суть проблемы, – не выдержал, наконец, Ладушкин.

– Позволяем, – хором произнесли собравшиеся, включая Есенина, не участвовавшего в разговоре.

– В общем, собрал я вас здесь, господа, по причине того, что над нашим отечеством нависла ужасная беда. В скором времени она войдет в каждый город и те испытания, через которые Россия проходила ранее покажутся нам детским лепетом. Да, я революционер и мои слова вы вполне можете расценить как лицемерие, но я всю жизнь прожил в империи, мои предки строили этот город. Поэтому я всей душой люблю Россию и готов побороться за её благополучие. И имя беды этой – Александр Демидов.

– Я и не сомневался, что он мерзавец, – резюмировал Черкасов, – но не нагнетаете ли вы обстановку господин, Рубинштейн, ой простите Ладушкин?

– Позвольте убрать свой пистолет от меня, – попросил Ладушкин.

– Хорошо, только не проказничайте и помните мой малыш всегда наготове, – Черкасов сделал поцелуй, в воздухе обращаясь к Аделаиде.

Лазарь Рубинштейн, таково было настоящее имя Ладушкина, встал с дивана, подошёл к выключателю и погасил свет. Катер в это время уже начал движение. Казалось, что он словно парит над речной гладью, пневмомоторы издавали еле уловимый из каюты протяжный гул, несущий судно

по волнам Невы.

Вскоре, впереди каюты опустился экран, и Рубинштейн стал демонстрировать гостям слайды, рассказывая следующую историю. На слайде появилась фотография пожилого мужчины в медицинском халате, внешность его была вполне типична для представителя интеллигенции, короткая стриженная бородка сидела на овальном лице, глаза человека смотрели в объектив фотоаппарата с уверенностью и даже каплей надменности: «В середине 1920-х годов некий профессор в области медицины Преображенский Филипп Филиппович стал проводить достаточно интересные опыты с органами животных, в дальнейшем ему удалось, согласно одной московской легенде, превратить собаку в человека. В общем, это всё не важно, Служба имперской безопасности (Далее ГБ), узнав про шокирующие эксперименты доктора, вначале упрятали его в психушку, но затем выпустили, навсегда запретив ему приближаться к лечебным учреждениям и вообще заниматься медицинской практикой. Пол года назад он пропал из своей московской квартиры без каких либо следов». Слайды сменялись один за другим, обрисовывая творческий путь профессора. На одном из них он обнимал дворового пса, один из снимков показывал его за работой в операционной. Затем Рубинштейн пустил видеоряд: на экране появилась низкая хорошо освещенная комната, посреди которой стоял стул, к которому цепями была прикована измученная женщина в смиренной рубашке, волосы её были чер-

ные длинные и опускались до локтей, частично прикрывая опущенное на колени лицо. Вдруг тело забилося в конвульсиях, она подняла лицо и перед зрителями появилась изуродованная гримаса с выпученными глазами, в которых не было видно зрачков. Одним движением девушка удивительно острыми зубами разорвала рубашку и цепи, сделала резкий прыжок и удалилась от объектива. Уже через пару секунд камеру направили на потолок, в углу которого притаилось, растопыбив ноги и руки чудовище, готовое к броску, затем пленка закончилась. Рубинштейн, включив свет, начал рассказ: «Как мне стало известно, на пленке вы увидели графиню Долгорукую, она выступила добровольцем, на испытании вакцины Преображенского, вот к чему это привело. Для сохранения молодости, профессор предложил вживлять стареющему клетки неких морских организмов, способных омолаживаться. Но перед этим он считал необходимым адаптировать их под организм млекопитающего, вживляя предварительно животным, ну а затем эволюционировавшие пересаживать человеку, как видите, дядька просчитался». Рубинштейн, окончив рассказ, присел на диван. «Я считаю, Демидов похитил Преображенского и с его помощью превращает людей в подобие этих существ, которых вы видели на заводе. Возможно, он их дрессирует, чтобы они стали покорными рабами, работающими за еду, не знаю точно. На очередной сессии, думой будет рассматриваться проект о свободной экономической зоне на Урале: ни для кого не секрет, ко-

му принадлежит большинство предприятий в этом районе. Если этот закон вступит в силу, Демидов станет полновластным хозяином на этих землях, он сможет иметь подобие армии. Страшно представить, что будет, если он поставит производство этих монстров на поток: империя погибнет, монархия падет или же нами будет управлять новый царь, думаю, догадались, кто им станет».

Черкасов закинул голову назад и громко рассмеялся на показ: «Надо же, до чего дожились, – сквозь смешки проговаривал детектив, – революционеры защищают монархию, но вы же всегда грезили о всеобщем хаосе, мечтая на руинах империи устроить революцию, чего же вы вдруг резко поменяли мнение своё, господин Рубинштейн?».

– Мы не собираемся, сложа руки сидеть, пока этот мерзавец губит русских людей, – возмущенный эсер поднялся с дивана и стал расхаживать взад-вперед перед собравшимися, громко разговаривая, – народ не должен страдать, а что касается революции, то люди сами скоро поймут её необходимость, это вопрос времени. Демидова необходимо разоблачить!

– Я понял вас, – ткнул пальцем в сторону Лазаря Черкасов, – вы хотите прослыть таким народным спасителем, сыскать себе славу миссии и поднять свой авторитет в народе. Увы, Лазарь, вы взрослый мальчик и должны понимать, что даже если ваши планы осуществляются, служба государственной безопасности быстро на место поставит. Лавры Гапона

не дают вам спать по ночам, но вспомните, как он плохо кончил, вы также совершаете ошибку. Или вы просто злитесь потому, что вам не заплатили?

– Я считаю, – вмешалась в разговор Аделаида, – это просто невозможно! Такое большое количество людей пусть даже мало образованных рабочих и крестьян, чтобы они добровольно вкололи себе эту дрянь Преображенского – бред!

– Ошибаетесь, панночка, – добавил Черкасов, – достаточно пустить пару уток в народе о страшной эпидемии холеры в губернии и несчастные сами подставят свои тела под укол вакцины.

– Это чудовищно, – произнес на выдохе Есенин, – Демидова нужно срочно остановить, Юрий Николаевич, вы же не можете оставаться в стороне?

В это время к катеру из глубины реки приблизился сигарообразный объект, его верхняя часть едва появилась на поверхности. И когда дежуривший на капитанском мостике плотный эсер в бежевом костюме с кепкой, увидев субмарины, решил подать сигнал, сзади подкрался матрос. Он схватил несчастного за голову и моментально свернул ему шею. Другому, стоявшему у штурвала, такой же матрос пронзил легкое саперным тесаком. По палубе стали передвигаться, словно ищейки, такие же матросы, выбравшиеся из нутра подводной лодки, обыскивая каждый угол.

В каюте в этот момент продолжалась оживленная беседа, лишь Черкасов обратил внимание на странные передвиже-

ния и спросил Рубинштейна.

– Лазарь Иосифович, сколько людей, не считая нас, на ка-
тере?

– Юрий Николаевич, ну какое это имеет значение! Четве-
ро наших ребят – возмущенно произнес эсер.

– Судя по частоте шагов, их не меньше дюжины, – отметил
детектив.

– В этот момент дверь каюты распахнулась и в неё влетело
изуродованное тело того самого эсера, который убирал трап.
Вслед за ним в помещение ворвался высокий матрос крупно-
го телосложения с окровавленными руками, глаза его, вклю-
чая белки, были желтого цвета, а голос его был больше по-
хож на волчье рычание.

Юрий, недолго думая, достал свой пистолет, и метким вы-
стрелом в лоб уложил гада. На пороге появился следующий:
на этот раз матрос смог увернуться от выстрелов и в два
прыжка оказался возле Черкасова, нанес ему удар кулаком
в живот, от которого тот отлетел в другую часть каюты. В сле-
дующее мгновение в шею лихого матроса вошел длинный
армейский нож Есенина, но это его не остановило. Он повер-
нулся в сторону стажера и стал к нему приближаться. Очнув-
шийся к этому моменту Черкасов, стал стрелять в идущего
матроса, но тот даже не обращал внимание на смертельные
раны и фонтаны крови, появляющиеся у него на теле. Лишь
после того, как пуля попала в висок, монстр упал. Тем вре-
менем на лестнице стали слышны шаги.

– Нужно бежать через черный ход, завопил Рубинштейн, за мной!

Все четверо выбежали через другую дверь в каюте и они оказались в узком освещенном коридоре. Черкасов прижал к стене Рубинштейна, приставив ему пистолет к голове.

– Что это за хрень, я тебя спрашиваю? Говори ублюдок! – закричал детектив.

– Я не знаю, начал тараторить эсер, это не мои люди!

– В машинное отделение, – подкинул идею Есенин, – возьмем управление катера на себя и причалим к берегу.

– Если они туда ещё не добрались, – сквозь слезы произнесла Аделаида, после чего продолжила бормотать про себя отче наш на латыни.

Детектив убрал пистолет, и Лазарь повел всех в сторону машинного.

В этот момент из-за угла вышел очередной матрос и уверенным шагом направился к компании. Юрий вновь не растерялся и открыл огонь, моментально уложив его выстрелом в голову. Уже через несколько секунд компании удалось укрыться в машинном отделении. В пневмокатере отделение было достаточно тесное, но при этом чистое, выкрашенное в белый цвет. Здесь находились цистерны с жатым воздухом и мощный электрический компрессор, получающий питание от аккумулятора. Было достаточно холодно. На стене слева было большое количество датчиков со стрелками. Двигатели подобного катера работали практически в автономном ре-

жиге.

– И что теперь? – спросила Аделаида.

– У моего дяди в Риге был тоже катер, но на паровом ходу. Он мне показывал хитрости в его управлении с машинного отделения, а здесь – я бессилен, – волнительным голосом прошептал Есенин.

– Отлично, сами себя в ловушку загнали, – разведя руками, произнес Рубинштейн.

Вдруг взгляд Черкасова остановился на микрофоне, торчавшем из глубины стены. Детектив подошел к нему постукал указательным пальцем, микрофон оказался рабочим.

– Внимание, с вами говорит частный детектив Юрий Черкасов, если вы меня слышите, дайте знак.

– Добрый вечер, господин Черкасов, – в динамике, находившемся в углу стены, раздался звук. – Выходите на палубу, продолжим разговор по мирному.

– В машинном отделении мы установили взрывчатку, если вы не покинете катер, мы пустим его на воздух, нам нечего терять, – прокричал в микрофон детектив.

– Вы блефуете, нам обоим это вполне ясно, поэтому, все трое по одному выходите из машинного и в сопровождении моих людей проходите на капитанский мостик, – медленно произнес таинственный собеседник.

– Трое? – удивленно произнесла Аделаида.

Черкасов поспешил закрыть ей рот рукой.

– Отлично, разведка у них немного промазала, ну и всех

нападавших, которые видели, что нас четверо мы уложили, и это наш шанс, – резюмировал детектив, – Петр, спрячься вон за той цистерной, рядом находится небольшой щиток, на нем и находится рулевое управление. Вероятно, оно не сильно отличается от того, что было на судне твоего дяди, когда услышишь мою команду, врубай полный ход. Аделаида, вам следует потерять сознание и не приходить в него пока не получите от меня команду. Лазарь действуйте по обстановке.

– Да они нас поубивают всех, – пробормотала Гросс.

– Если бы хотели убить, потопили бы катер, – добавил Юрий, – мы им нужны живыми, или, по крайней мере, кто-то один.

Юрий вновь приблизился к микрофону и произнес: «Мы выходим».

Дверь распахнулась, и вся компания из трех человек направилась к выходу. Черкасов нес на руках притворяющуюся Гросс, она откинула голову назад и закрыла глаза, изображая бесчувственное тело на руках детектива. Они поднялись по тому же самому коридору, где их встретили двое матросов. Вместе с ними они вышли через боковую дверь на палубу, после чего поднялись на капитанский мостик. Дождь к этому времени закончился, и на горизонте белая ночь осветила шпиль Адмиралтейской иглы, а вдалеке, в неоновых лучах, блестели небоскребы Питер-штадт. На мостике их ожидал низкий сутулый старик в длинном черном плаще, воло-

сы на его голове были седые, образуя удивительную капну. Лицо его было вытянуто и напоминало лошадиную голову, желтое и морщинистое.

– Добрый вечер, господа, прошу прощение за столь неожиданный визит, – мерзкий старик, улыбаясь, покачивал головой, – дело в том, что у вас есть то, что мне нужно, думаю, вы догадались, что это снимки, будьте так добры мне их предоставить, – он снова стал улыбаться, будто обращался к теплой дружеской компании.

– У нас нет никаких снимков, вы ошибаетесь! – прокричал Рубинштейн.

В ответ, предводитель матросов, не смотря на свои преклонные лета, коротко размахнувшись, ударил Лазаря в солнечное сплетение. Тот согнулся и повалился на пол.

– Я ошибаюсь? – с иронией произнес старик, – нет, это вы ошибаетесь, играя со мной в кошки мышки. Ваши люди перед смертью молили моих волкодавов, чтобы они им позволили быстро умереть, вы тоже хотите подобной участи? – прокричал он над ухом у вставшего и тяжело дышащего Рубинштейна.

– Минуточку, сударь, – сделав шаг вперед, заговорил Черкасов, – господин Рубинштейн действительно не в курсе. Я пообещал ему принести эти самые снимки за определенную плату, они остались внизу в каюте, я их спрятал в подсигар со статуей свободы, американской такой... там ещё денег немного.

– Михаил, – обратился к одному из матросов старик, даже не повернув головы, – пойдй, поищи подсигар в каюте, да смотри не открывай, сюда неси.

Один из матросов подобно тени ринулся вниз. Аделаида к этому времени пришла в себя и дрожащим голосом стала умолять о пощаде.

В этот момент в каюте раздался взрыв. Черкасов, со словами: «Всё-таки позарился ваш Михаил на денежки», сжал кулак и бросил на пол Аделаиду, предварительно сказав ей: «группируйся». Бронежилет Юрия затрещал со спины и в доле секунды, вырвался заряд, поразивший двух сзади стоявших матросов насмерть, из груди детектива вылетела стальная игла, которая в мгновение впилась в ногу старику. От подобного, последний попятился назад, пытаясь достать револьвер из кобуры. После этого, Черкасов оттолкнул от штурвала, бьющегося в конвульсиях главаря, закричав в микрофон: «Петька, полный вперед!», он выровнял руль в сторону берега, где стоял его автомобиль. После всего этого, он обыскал одного из убитых матросов, забрал у него свой пистолет, отдал его Аделаиде со словами: «Никого не пускай в ходовую рубку!».

– Лазарь Иосифович, – обратился он к Рубинштейну, – встаньте к штурвалу и ведите катер к берегу. Что касается этого молодца в черном плаще, он ещё минут десять будет в отключке, за это время до берега доплывем.

– А вы что собираетесь делать? – спросила Аделаида.

– Проведу зачистку, – пояснил детектив.

Он вышел с ходовой рубки и стал спускаться вниз. В этот момент на него посыпался град пуль. Черкасов увернулся и скрылся на нижней палубе, укрывшись за шлюпкой. По выстрелам он сразу догадался, работает автомат Федорова. Детектив понял, что стрелок первый раз обращается с подобным оружием, стрелять так часто – полнейший идиотизм, точность при этом низкая. Юрий дождался, когда стрелок утихнет, к этому моменту по боковой левой палубе бежал еще один матрос, ребята решили окружить детектива. Он в свою очередь достал свой Colt M1911, взвел его, и, выпрыгнув из-за шлюпки выстрелил в матроса, попав ему в сердце. Второй был в нескольких метрах от детектива, к нему лицом, матрос со всего маху налетел на него, логики в этом нападении определенно не было, так как в момент падения детектив успел всадить в него шесть пуль. После чего лежа на палубе, поднял и откинул от себя в сторону мертвое тело. С противоположной стороны двигался ещё один счастливец, и так как патронов у Черкасова уже не осталось, он подбежал к пожарному щиту, сорвал с держателей топор и метнул его горизонтально в сторону матроса. Орудие, сделав несколько оборотов в воздухе, лезвием вошло в живот жертве, моментально остановив его движение.

В этот момент в машинном отделении к Есенину заглянули двое гостей. Одного из них помощник уложил выстрелом в голову, второй же, прикрывшись телом товарища, су-

мел завязать потасовку с Петрушей, схватив его за шею мертвой хваткой сзади, и повалив на пол. На мощные удары в висок матрос никак не реагировал. И когда Петр уже стал медленно терять сознание от удушья, он увидел как раз за за-тылком матроса раскрученную трубу, диаметром примерно пять сантиметров, выходящую из резервуара. Из последних сил он ударил по трубе, от чего та отлетела, а из резервуара вырвалась мощная струя воздуха, которая оторвала голову матросу, отбросив её в дальний угол машинного отделения. В этот самый момент произошел толчок, сила которого подкинула Петра, словно пушинку, и с грохотом ударила об стену, из-за чего он потерял сознание.

Черкасов в это время кубарем покатился по палубе, а катер причалил к берегу.

Живых матросов на катере не осталось. Юрий поднялся в ходовую рубку. Когда он открыл дверь, перед ним предстала достаточно интересная картина. Гросс силой удара закинуло на приборную панель, судя по её виду, она здорово ушиблась. Рубинштейн пытался вырвать ногу из пасти обезумевшего старика, вцепившегося в него мертвой хваткой. Детектив подошел к великой схватке двух титанов, схватил главаря за шиворот, надавил на лицевые мышцы и таким образом повел из рубки. Лазарю он дал задание привести в чувство Аделаиду, которая была без сознания. Рубинштейн принялся приводить в чувство девушку. Он достал из кармана флакон с сильнодействующим веществом, влил

его в рот Гросс и начал тереть ей виски и лоб. Через несколько минут Аделаида пришла в сознание, не понимая, где она находится. Затем она с помощью Рубинштейна стала на ноги и, опираясь на его руки, медленно и молча направилась к выходу.

Когда они все оказались на палубе, из машинного отделения вышел Есенин, вся его голова была в ссадинах, он медленно шел, хромя на правую ногу.

– Как ты, приятель? – спросил его Черкасов.

– Жить буду, Юрий Николаевич, ногу только подвернул, а так – все нормально.

Детектив держал за шиворот вырывающего старика. Черкасов повернулся в сторону Аделаиды, чтобы поинтересоваться её состоянием и в этот самый момент раздался щелчок: пуля снайпера вошла выше переносицы старика, его мертвое тело опустилось в хватке Черкасова, тот в свою очередь покричал: «В укрытие, снайпер!». Все бросились в россыпную: Черкасов, и Есенин притаились за шлюпкой, Гросс с Рубинштейном за выступом на боковой палубе.

– Отвлечь его надо, – тяжело дыша, произнес Есенин.

– Без потерь не обойтись, – с грустью констатировал детектив.

– Бросайте шлюпку в воду, – раздался голос со стороны боковой палубы.

– А ведь девка не такая дура, как претворяется, – усмехнулся детектив.

Юрий достал из кармана зажигалку, поднес её к брезенту, который накрывал шлюпку, сорвал его и бросил на палубу. Вскоре весь катер оказался в пелене серого дыма, а наши герои, сбросив шлюпку за борт, проплыли две сотни метров и высадились на пристани, где стоял одинокий Ford. После проверки на наличие снайпера, все перебрались в автомобиль и уехали прочь с набережной. Черкасов отвез компанию до ближайшей стоянки такси.

– Ну что, Юрий Николаевич, теперь-то вы меня поддержите? – спросил Рубинштейн.

– Вам, господин Оладушкин, сейчас пора задуматься о том, как свалить побыстрее или лечь на дно, пока вас не грохнули. Не моя помощь нужна, а помощь телохранителя, всего доброго!

Распрощавшись со своими новыми друзьями, Юрий отправился на встречу с Елисеевой.

Утро для Макарова началось с гудка утреннего парохода, который в 7:00 отправлялся в Выборг. Он ненавидел его также, как и свою однокомнатную квартиру на Офицерской улице. Курильщик сидел в своей маленькой кухне в синем потрепанном халате, на столе дымилась кружка с кофе. Потолки были достаточно высокие, стены и пол были отделаны плиткой нежного зеленого цвета, судя по обстановке, ремонт давно приостановился.

Вчера, в конце рабочего дня, Максим Олегович посетил морг, в котором находился труп Барменталья. В помещении было светло и оживленно: патологоанатомы, работавшие здесь, вели задушевные беседы и громко смеялись, словно они находятся не среди мертвецов, а на отдыхе. Все три стола были заняты. Два трупа были накрыты белой простыней, на третьем проходила обмывка тела доктора. Вода стекала со стола на пол и словно ручей уходила в решетчатое отверстие в полу.

– Вот ваш покойничек, – Макаров подошел к столу, возле которого стояла брюнетка лет тридцати. Одета она была в белый халат, оранжевый резиновый фартук и белую шапочку. Лицо её было скрыто под маской. На столе лежал труп полного мужчины лет пятидесяти. Тело его напоминало медузу, выброшенную на берег, живот его расплылся по столу.

– Рваная рана, – женщина показала на глубокий след в правом подребье, – под рваной раной подразумевается рана, возникающая при механическом повреждающем воздействии на мягкие ткани. При этом, края раны неправильной формы, с отслоением, либо отрывом тканей и разрушением элементов ткани на относительно большом участке. Не знаю, насколько это вас заинтересует, в крови убитого мы обнаружили морфий.

И действительно, рассмотрев руку Барменталья, Макаров обнаружил следы от укусов. Только вот какое это отношение имеет к убийству. «А вообще, убийство ли это или просто несчастный случай с дворовым псом!» – рассуждал в уме курильщик.

После морга, Макаров посетил квартиру Барменталья. Никаких следов животных там не обнаружили. В мусорном ведре лежало несколько использованных ампул морфия, произведенных на Петербургской фармацевтической фабрике.

Внезапно входная ободранная дверь, открылась от сквозняка, чем отвлекла Курильщика. И у Макарова мелькнула мысль: «А ведь дверь в квартиру Барменталья была открыта ключом, следов взлома не обнаружено, вероятней всего, убийца был хорошо знаком с покойным».

Прекрасная игра – гольф. Свежий воздух, зеленая трава. Гольф предполагает возможность принимать системные решения, построить алгоритм движения вперед. Именно поэтому с юных лет эту игру так полюбил молодой император Алексей II, на поле для гольфа, по его словам, он думал о будущем России, строил планы грандиозных реформ. Не смотря на то, что последние два десятка лет он уже не правил, а царствовал, его беспокоила судьба великой империи, дни которой были уже сочтены. И когда в теплый летний денек государь собрался со своей семьёй в загородной резиденции, чтобы провести время за игрой, покой его нарушил канцлер Некрасов Николай Виссарионович.

– Ваше, Императорское Величество! – начал канцлер, у меня к вам очень важный разговор государственной важности.

– Ну, обращайся, Николай, для чего пришел? – вздохнув, произнес император.

Он был одет в белую сорочку, клетчатые галифе, обут в специальные спортивные тапки серого цвета, разработанные для гольфа его личным модельером. Император был среднего роста, худой, лицо его было немного детское: со своими чудными белокурыми кудрями и большими серо-голубыми глазами, оттененными длинными, загнутыми

ресницами. У него был свежий и розовый цвет лица и когда он улыбался, на его круглых щеках вырисовывались две ямочки.

– Я знаю, ваше императорское величество всегда тревожиться о судьбе России. Левиафан жаждет нашей смерти, мой государь. Он пустил щупальца в самое сердце империи, в её государственный аппарат. До меня дошли сведения, что существует заговор против государственного строя. И предатели эти сидят в государственной думе. Они принимают вредоносные законы, и я прошу вас, уговорите государственный совет не подписывать их.

– Николай, я считаю, ты преувеличиваешь угрозу, британские и немецкие агенты есть в империи, но за ними ведется слежка и скоро их сеть будет вычислена. Обидно, конечно, среди аристократии тоже предатели имеются, – с грустью отметил император, – и ты должен понимать, чтобы не прослыть тираном, я должен соблюдать конституцию и уважать решение народных избранников.

– Народные избранники, узнав вкус власти и денег, забыли о своих конституционных обязательствах, – гневно произнес канцлер, – они продвигают интересы олигархов подобных Демидову.

– Да, что ты такое говоришь, Некрасов, – возмутился император, – Александр Васильевич настоящий русский дворянин по крови и по духу, пока такие как ты в войну штаны протирали в Питере, он жизнью рисковал в Европе за своё

отечество. В армии до сих пор его помнят, а сейчас он жертвует деньги на благотворительность, больницы, дома престарелых. Как ты можешь так говорить?

– Я это говорю потому, что располагаю секретными доносениями о том, что он пытается протолкнуть ряд законов в своих интересах, у меня есть информаторы! – закончил речь канцлер.

– Пошли куда подальше своих информаторов, Николай, – прокричал Император, – и больше со мной эту тему не заводи, а сейчас, извини, важные дела у меня!

Алексей повернулся и пошел в сторону столика, за которым под открытым небом собралась вся его семья: красавица императрица Ольга и двое детишек, голубоглазый наследник престола Александр и великая княжна Мария.

Некрасова проводили до его личного автомобиля, и вскоре его «Руссобалт», ехал в сторону Санкт-Петербурга.

Все газеты пестрели заголовками о чудовищной мясорубке на Васильевском острове. Катер полицейские тщательно обыскали, осмотрели взорванную каюту и всё, что в ней находилось: вещи, пленки, труп мужчины – всё сильно обгорело.

Черкасов, сидевший в своем кабинете, равнодушно отбросил номер «Известий». На лицевой стороне газеты находилась фотография искореженного катера.

В кабинет вошла Светлана. Её белая блуза была, как всегда накрахмалена, а длинная юбка двигалась в такт её движениям.

– Юрий Николаевич, Петруша сегодня на работу не вышел, что с ним? – беспокойным голосом спросила секретарша.

– С лестницы упал. Соседка помои разлила, а Петруша наш поскользнулся. Не волнуйся, завтра выйдет, – успокоил девушку детектив.

– Бедный мальчик, – начала причитать Светлана, – отпустите меня с работы на часок, я ему бульон куриный сготовлю.

– Иди с богом, Светик, позаботься о нем, – ответил Юрий.

– Кстати, вот телеграмма на его имя в офис пришла.

Секретарша протянула своему шефу желтый почтовый

листок, в котором находился текст: «Выезжаю с Гданьска, буду в понедельник, брат Игорь».

– К Петруше братец приедет, – Черкасов широко зевнул, – ну так ступай и обрадуй его, а я поработаю пока.

Отправив секретаршу, Черкасов откинул голову назад на спинку стула, и, опустив руки вниз, заснул.

В ресторане «Палкинъ», вечером 4 июня 1934 года было достаточно тихо и уютно. Черкасов Юрий, одетый в черный блестящий фрак, сидел за своим любимым столиком. Он курил, медленно пуская дым вверх, на столе стояло два бокала, и лишь один был наполнен французским вином. Детектив явно ждал гостя, и вскоре он появился.

– Здравствуй, Юра, – за стол присел Дмитрий Черкасов. Детектив кивнул ему в ответ и пожал руку.

– Для чего ты позвал меня? – спросил Дмитрий.

– Помоги мне собрать информацию о Демидове, – попросил Черкасов.

– Ты рехнулся, – сказал шепотом Дмитрий: – Он неприкасаемая особа, запомни одну формулу раз и навсегда: если ты враг Демидова, то готовься враждовать и с императором.

– Ладно, с тобой всё ясно, – потерев глаза, произнес Юрий, – хоть скажи мне, кто в правительстве недолюбливает его?

– Канцлер Некрасов о нем не очень хорошо отзывался, – Дмитрий прикоснулся к подбородку и недовольно поморщился, – говорил, что некоторым депутатам в думе он приплачивал. Ну, сам понимаешь, за себя он боится. Не хочет, чтобы его Демидов затмил.

– Ну вот, а ты говоришь, неприкасаемый, да его первое

лицо правительства не переносит, – радостным голосом сказал детектив, – я хочу узнать правду, у нас с ним личные счёты!

– Так вот кто на тебя наводку сделал, – взволнованно прошептал Дмитрий, – надеюсь это ошибка, и мой брат никогда не станет врагом Демидова. Вообще, я уточню, кто на тебя в полицию доложил, ты только пока не наломай дров. Пообещай, что ничего не будешь предпринимать, пока я не найду подтверждение.

– А если ты меня обманешь, чтобы сберечь? – спросил детектив.

– На что это мне? Не маленький уже, сам головой думать должен, – возмутился брат.

К столику быстрыми шагами приблизился явно подвыпивший Соловьёв. Он бесцеремонно присел за свободный стул рядом с братьями, положил руку на плечо Юрию и произнес: «Юрка, поехали в Питер-штадт, баб снимем». Реакция братьев на это была вполне предсказуема, оба залились безудержным смехом.

– Ладно, молодежь, – вставая, произнес Черкасов старший, – оставляю вас наедине с вашими естественными потребностями, самому завтра рано на службу, доброй ночи вам.

– Жду от тебя весточки, – кивнул в ответ детектив.

Братья Черкасовы распрощались. Юрий и Соловьёв отправились на стоянку такси, и очень скоро черный универ-

сал «Руссо-Балт» вез их в долину сияющих небоскребов. Посредине великолепного ансамбля из зданий, построенных по проектам западных архитекторов, возвышался великолепный торговый центр «Кубок империи». Это была вершина архитектурной мысли, самый высокий шпиль России, освещавшийся на высоте 345 метров.

Черкасов вышел из автомобиля и небрежно захлопнул за собой дверь. Соловьев в это время успел расплатиться с таксистом и через пару минут присоединился к другу, который небрежной походкой шел к парадному входу великолепного здания.

«Кубок империи» – великолепный небоскреб из стекла и бетона, расширяющийся в средней части и сужающийся ближе к верху. По бокам расположились выступающие смотровые площадки, напоминавшие ручки кубка. Первые этажи здания занимают торговые площади. На последних десяти расположились отель и казино. Построенный всего пару лет назад этот центр стал символом благополучия и процветания. Тысячи петербуржцев ежедневно посещали магазины, где вполне обычные товары продавались по двойной цене. Здесь были представлены все известные немецкие торговые марки. Принадлежит торговый центр немецкой общине города, которая за последние двадцать лет увеличилась в несколько раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.